

СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГ

ОБРЕТЕНИЕ ЛЮБВИ

Эта книга основана на реальных событиях!
НАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

АНДРЕЙ РИХТЕР

Андрей Рихтер Обретение любви

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9959987
Андрей Рихтер. Обретение любви: Эксмо, Яуза; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-77958-1*

Аннотация

В Киев из Москвы на каникулы к матери приезжает Виктор с женой Ольгой и дочкой Анюткой. В семье Виктора царит разлад: сам он давно охладел к супруге и часто заводит романы на стороне, а Ольга, тая обиду, пытается, как может, спасти рвущийся по швам брак. В Киеве она встречает своего дальнего родственника и первую любовь – Петра. Он за годы разлуки стал богатым бизнесменом, но находится под каблуком у жены.

Страсть между Петром и Ольгой вспыхивает с новой силой, лишая влюбленных рассудка и осторожности. Сможет ли Ольга пожертвовать своими любовными чувствами к Петру ради сохранения семьи? Удастся ли героям найти ответ на вопрос, что же важнее в жизни: любовь, семья, деньги? Возможно ли удачное сочетание всех этих составляющих?

Содержание

1	5
2	11
3	17
4	26
5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Рихтер

Обретение любви

Эта книга основана на реальных событиях

© Шляхов А., текст, 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

«Куди серце летить, туди й око глядить».
Украинская пословица

1

Чушь это все, что с годами учишься смирению. Годы учат отличать важное от неважного, а вот смирения не добавляют нисколько. Скорее наоборот – отнимают. В молодости смотришь на жизнь проще. Эка беда, невелика потеря, не получилось сейчас, получится потом. Есть время переиграть, начать заново. А на пороге полтинника (слово-то какое: «полтинни-ник»), но все равно лучше, чем скучное, как удар топора, «пятьдесят») начинаешь понимать, что переиграть уже не удастся. И потеря велика, можно сказать – цель всей жизни. Цель, к которой шла, несмотря ни на что... Бедность, от которой до нищеты рукой подать, просто в Советском Союзе нищих не было и быть не могло, поэтому мама говорила, поджав губы: «Скромно живем». Ранняя беременность – для студентки, нацеленной на учебу, конечно, ранняя. Селянки в девятнадцать второй раз рожают, а кто и в третий. Муж – домашний тиран (вот ведь казус, у него дед по материнской линии был с такой фамилией – Тиран, считалось, из греков). Впрочем, с мужем сама виновата. Нравились суровые, решительные мужики, способные ожечь взглядом и стукнуть кулаком по столу? Так получи, что хотела. С небольшой поправкой – ожечь ведь и ремнем можно, не только взглядом. И кулаком не только по столу стучать. Интеллигент, гуманист, педагог в пятом поколении, директор школы в первом... Шестнадцать лет жизни псу под хвост, и до сих пор покою не дает своими поучениями. Нет, насчет «псу под хвост» это зря. Несправедливо, нельзя так говорить. Во-первых, у Вити, пока он рос, была полноценная (хотя бы на первый взгляд!) семья – мама и папа. Это же важно, кто спорит. Во-вторых, за эти шестнадцать лет восторженная студентка превратилась в усердную до самоотверженности аспирантку, которую просто невозможно было не оставить на кафедре, и сделала карьеру. Ассистент, доцент, профессор... На момент развода до кресла завкафедрой оставался один шаг. Шаг растянулся на четыре с половиной года, это ничего, некоторые и вдвое дольше ждут. Кафедр мало, гораздо меньше, чем желающих ими заведовать.

Да, гораздо меньше. Любой доцент, не говоря уже о профессорах, спит и видит себя заведующим. А некоторые не только спят и видят, но и делают определенные шаги, чтобы заветное кресло освободилось пораньше. Не лет через – надцать, когда уважаемая Галина Дмитриевна соберется уходить на покой, а прямо сейчас. Девятый год заведуете, пора бы и честь знать! Поиграла немножко – уступи другому, будь человеком, уступи. Никто не собирается ждать, пока ты досыта наиграешься, жадина...

– А вот вам дуля!

Холеные пальцы сложились в вульгарный кукиш. Жест подкрепился несколькими любимыми словами дедушки Мирона. Наедине с собой, без свидетелей, можно было высказаться громко, от души. Ставший родным за девять лет кабинет... Оплот, бастион, твердыня... И она – единственная защитница...

«Уй!» еще металось эхом под высоким потолком, когда открылась дверь. Без стука. Все знали, что Галина Дмитриевна не выносит этой плебейской привычки – стучаться. Если занята важным делом или разговором, то закроется на замок. А так открывай и входи, незачем на работе дурацкие церемонии разводить. Тук-тук-тук! По крышке своего гроба постучи!

Бог с ним, с эхом, обрывок фразы это еще не вся фраза и смысла по нему не угадать, хотя догадаться, конечно, можно. Но вот когда входящего встречают кукишем, это как-то не комильфо. Непристойно. В конце концов, не нечистая сила явилась, чтобы ей дулю под нос совать, а доцент Тупчий. Свой человек, сторонник, почти друг. Из тех, кто если даже и мечтает (а кто не мечтает?), то не подкапывается, а терпеливо ждет. Ему возраст ждать позволяет, месяц назад тридцать пять стукнуло. По академическим меркам – юность. Это про-

фессору Хащенко пятьдесят семь, «возраст лебединых песен», как выражается Константин. Хащенко живет по принципу «теперь – или никогда». А вот хрен ему «теперь»! Никогда! Никогда! Никогда!

Спохватившись, Галина перестала махать дулей, улыбнулась и приглашающе кивнула – не стой на пороге, заходи, присаживайся.

– Руку судорогой свело, – соврала она первое, что пришло на ум. – Упечаталась.

– Курага хорошо помогает, в ней калия много, – посоветовал Тупчий, скользнув взглядом по мертвому, черному экрану монитора. – На Лукьяновке есть один узбек, Рифатом зовут, так у него не курага, а чистый мед. И скидывает хорошо, если, конечно, брать на килограммы. Я вам сейчас нарисую, где он стоит...

Супруга Тупчего была врачом, поэтому медицинскими советами он сыпал направо и налево. И еще у Тупчего повсюду были свои люди. Особые, знакомые люди, обладатели выдающихся достоинств или выдающихся товаров.

– Спасибо, Роман Захарович, но я не ем курагу. – Давая понять, что узбек с курагой ей и в самом деле не нужен, Галина прижала рукой лист, который уже тянул к себе по столу Тупчий.

– Так у него не только курага, но и все остальное – изюм, чернослив, инжир, дыня сушеная, – не сдавался Тупчий, листок, правда, отпустил. – Любой сухофрукт богат калием...

– И калориями, – строго добавила Галина.

Про калории снова соврала. Уж чего-чего, а проблем с лишним весом у нее никогда не было. До сих пор в свадебное платье без труда влезть можно. Только зачем? Но не станешь же рассказывать подчиненным про своих тараканов, про то, что Лукьяновку ты обходишь стороной. Лукьяновка – это не только рынок, но и кладбище с тюрьмой. Слишком много воспоминаний...

– Тогда панангин, Галина Дмитриевна. По одной таблетке в день...

Недостатков у Тупчего было два – красота и занудство. Красота, потому что не годится мужчине быть таким «глянцевым», идеально выглядящим. Черты лица, фигура, одежда... В человеке все должно быть прекрасно, никто не спорит, но должен быть и какой-нибудь маленький недостаток, подчеркивающий, оттеняющий достоинства. Порой так и подмывало взять Тупчего за узел галстука и сдвинуть его чуточку вбок. Или волосы слегка растрепать. Интересно, что бы подумал Тупчий, вздумай завкафедрой сотворить такое? Наверное, бежал бы в панике к ближайшему зеркалу.

– У вас ко мне дело, Роман Захарович? – перебила Галина, не любившая непрошенных советов вообще и медицинских советов в частности, тем более не от врачей.

– Да, дело... – Тупчий сразу же сник, давая понять, что дело у него неприятное. – Дело...

Об этом и так можно было догадаться. С утра пораньше с приятными делами не являются. Время приятных дел наступает позже.

– Так говорите же! – подстегнула Галина, но подстегнула мягко, со «своими» она вообще старалась разговаривать мягко, даже когда устраивала выволочку.

– Григорий Артемович считает, что курс по истории конституционализма слишком важный для того, чтобы его читал я...

Сдержанным, тщательно дозированным вздохом Тупчий выразил то, чего не хотел произносить. Он предусмотрительно старался избегать резких выражений в адрес кого-то из противного лагеря, тем более – самого профессора Хащенко. Галина его прекрасно понимала. Мало ли как повернется жизнь, лучше поддерживать со всеми хорошие отношения. Или хотя бы видимость хороших отношений. Это из школы в школу нетрудно перейти, если не сработаешься с новым директором. Кафедру так не сменишь, потому что школ много, а кафедр мало, и вопрос специализации здесь крайне важен. В школе историю может препода-

давать и «антик»¹, и медиевист, и «новичок»², а вот в университете с кафедры Новейшей истории на кафедру истории Древнего мира не перейдешь.

– Григорий Артемович должен был вначале обсудить свое мнение со мной! – нахмурилась Галина.

Еще один вздох, на сей раз с закатыванием глаз к потолку. Да, конечно, должен был, но ведь Григорий Артемович считает, что должность замдекана исторического факультета по научно-педагогической работе дает ему право... И так далее.

Мразь какая! Претендент! Враг! В политике ничего не вышло, так он в науку полез, благо успел в свое время «остепениться». И действует старыми, привычными политическими методами – интриги плетет, группировку вокруг себя сколачивает, провоцирует, подкапывается. Вот зачем ему отбирать у Тупчего единственный курс, полностью «профильный», – у Романа Захаровича кандидатская по истории украинского конституционализма и докторскую он по этой же теме пишет? Зачем обострять отношения? Чем ему Тупчий не угодил? Совсем не в Тупчем тут дело, не на Тупчего наезд, а на завкафедрой. Хащенко показывает, точнее, хочет показать, что с ней можно не считаться, что реальная власть у него? Ну ладно...

– Идите, Роман Захарович, – сказала Галина, поняв, что, кроме вздохов, ничего больше от Тупчего не услышит. – Идите и продолжайте читать курс. У вас это замечательно получается...

Лектор из доцента Тупчего и впрямь был хороший – знающий, обстоятельный, невозмутимый (ох, разный студент пошел, разный) и с правильной, красивой речью. Правильную речь Галина ценила не меньше профессионализма, а если вдуматься, то, пожалуй, и больше. Если умные вещи излагать через пень-колоду, мешая украинские слова с русскими, вставляя между ними «ну», «вот» и «значит, так», то в смысл сказанного вникнуть вряд ли удастся, не говоря уже о том, чтобы конспектировать подобную «лекцию». «Приберегите ваш суржик для базара, там ему самое место!» – это Галинино выражение знал весь университет. Она и Гужву однажды так осадила, не посмотрела на то, что он проректор. По уму, так можно, нужно было и промолчать, не высовываться. Недаром же говорится, что молчание золото. Но неделей раньше, на заседании ученого совета, Гужва позволил себе нелестно отозваться об уровне преподавания на ее кафедре, упомянув среди прочих недостатков (большей частью надуманных, притянутых за уши) и низкую речевую культуру ряда преподавателей. Ну, раз уж нападаешь на чужую речь, то и за своей изволь следить. Для начала хотя бы избавься от словечек вроде «нахиба»³ и «запизнюлый»⁴. Теперь Галина с Гужвой на ножах. Ну ладно, Бог не выдаст, Гужва не съест.

От близкой перспективы общения с Хащенко противно заныло в груди. Неприятное и, что самое главное, бесперспективное занятие. Таких придурков, как Хащенко, переубедить и уговаривать бесполезно. Не поймет. Уставится тебе в переносицу и заведет свою вечную и единственную песнь: «Нечего меня учить, пока вы тут новейшую историю Украины изучали, я ее творил!» Как бы не так! Творил! Что вот такие, с позволения сказать, «деятели» натворили, нормальным людям за тридцать лет расхлебать не удастся. Да и бывают ли в политике нормальные люди? Наверное, надо верить, что бывают. Или перестать заниматься Новейшей историей, переключиться на Средние века или Древний мир. Легко сказать, трудно сделать. Средние века мертвые. Мертвые дела далекого прошлого. А Новейшая

¹ Специалист по истории Древнего мира (*разг.*).

² Специалист по Новой (Новейшей) истории (*разг.*).

³ Жаргонный, неприменимый в литературной и вообще культурной речи аналог украинского слова «навіщо» – зачем.

⁴ Искан. «запизнілий» – запоздалый (*укр.*).

история – живая. Выгляни в окно, вот она, тут, перед глазами. Сегодня опять по Крещатику с флагами и плакатами ходили. Интересно же...

Карандаш в руки, бумагу перед собой. Три вертикальные черты, три горизонтальные. В середине крестик – буква «х», Хащенко... Административные крестики-нолики. Взрослые игры взрослых детей. На бумаге думается особенно четко. Слева друзья и плюсы, справа – враги и минусы. Расстановка сил. Давно устоявшаяся, заученная наизусть схема, тем не менее Галина рисовала ее часто, почти каждый день. Про себя улыбалась – китайцы с японцами для того, чтобы успокоиться или сосредоточиться, иероглифы выписывают, а я крестики-нолики черчу. Но помогало. А раз помогает, почему бы и не начертить...

Декана Ющинского куда вписывать не стала. Конформист без собственного мнения, бледная тень ректора, да вдобавок и возраст с кучей болезней дают о себе знать. Проректор по научно-педагогической работе Гужва мало того, что был личным врагом Галины, он еще и с Хащенко дружил. Однокашники, вместе учились в университете, правда, на разных факультетах, но знали друг дружку по комсомольской работе. Два сапога пара, один университетом мечтает управлять, другой – кафедрой заведовать. Тарантулы.

Расклад был ясен сразу, но надо же соблюсти традиции – почиркать карандашиком, посмотреть на то, что получилось, и окончательно осознать, что, кроме ректора, никто помочь не сможет. И не захочет. Но тут надо тонко. Не катить бочку на Хащенко, а выступить в защиту молодых кадров. Это ректору понравится, он сам «молодой кадр», благодаря двоюродному брату, замминистра образования и науки, стал ректором в сорок два года. Опять же, Тупчий статьи пописывает, его за границей знают, то немцы к себе пригласят с докладом, то англичане. Это хорошо, престижно. Плюс не только Тупчему, но и всему университету. Рома молодец, умеет себя подать. А Хащенко куда приглашали? Разве только в прокуратуру, на допросы. Пусть оба уголовных дела в итоге закрыли, но ясно же, что такого густого дыма без огня не бывает. И ясно, как дела закрываются. Не просто же так Хащенко в одночасье из политики в науку свалил...

Звонок сына привел Галину в смятение и разом заставил забыть обо всех рабочих проблемах. Она всегда пугалась неожиданных звонков от него. Если Виктор звонит с утра в будний день, значит, у него что-то стряслось. Обычно мать с сыном предпочитали общаться по скайпу, где можно не только слышать, но и видеть друг друга, и делали это поздно вечером (оба совы), когда никто не мешает разговаривать.

– Мам, привет! – Голос у Виктора был веселым, даже радостным. – Мы тут решили тебя навестить...

– Навестить? – удивилась Галина. – Что так внезапно?

Веселый голос сына ничего не означал. Во всяком случае, для Галины. Она прекрасно знала, как умеет Виктор притворяться. С чего это вдруг «навестить»? Что-то произошло? Снова нелады с женой?

– Мы с Ольгой приберегли от отпусков по неделе на Анькины каникулы, заранее тебе говорить не хотели, вдруг по работе сорвется или Анька заболит... – В трубке раздался громкий тройной стук: не будучи суеверным, Виктор истово соблюдал ритуал «чтоб не сглазить». – Но вроде все сложилось, так что жди нас в субботу. С отгулами и выходными набралось почти две недели, в школе Ольга насчет Аньки договорилась, так что успеем тебе надоесть...

«Кто успеет, а кто и нет», – подумала Галина. К невестке она относилась терпимо. Раз уж так получилось, так тому и быть, надо терпеть. Терпеть было не очень сложно, потому что невестка находилась далеко, в Москве, за тридевять земель. Это, конечно, хорошо, когда невестку и свекровь разделяет расстояние, уберегает от споров и ссор. Плохо, что единственный сын тоже далеко. И что ему дома, в Киеве, не женилось? Девчонок мало? Или красивых не попадалось?

– А разве у Ганнуси уже каникулы? – спросила Галина.

Внучку она называла только так. Не Ньюской, не Анюткой и ни в коем случае не Анькой. Сыну намекала не раз, но он упорно придерживался упомянутых вариантов, отдавая предпочтение «Аньке». Его самого в детстве дома Витькой никогда не звали. Откуда только набрался?

– Так она же учится по триместрам, мам! – напомнил сын.

Ах да, вспомнила Галина – новая система обучения. Пять недель учебы, неделя отдыха. Считается, так лучше, дети меньше устают, да и учителя тоже.

Хотелось еще спросить, все ли на самом деле в порядке у сына, но Галина удержалась. Хватит задавать глупые вопросы, а то Виктор еще решит, что она не рада их приезду. Приедет сын, выберет время и сам все расскажет, а не расскажет, так она и без слов поймет. По тому, как сын с невесткой себя вести станут.

– Ты примерно скажи, к какому времени собираетесь приехать, – заволновалась Галина. – Чтобы у меня все было горячее, с пылу с жару...

«Жди в субботу» без указания точного времени означало, что поедут на машине.

– Горячее лучше перенести на воскресенье, потому что время я тебе даже примерно не назову, – ответил сын. – С ребенком быстро не поедешь – то ее укачало, то в туалет, то поесть... Как приедем, так и приедем...

«Пирожков все равно напеку, – решила Галина. – Сложу в сотейник, и пусть стоят в духовке, дожидаются теплыми».

– Будьте осторожнее с едой на дороге! – напомнила она.

– Мама! Ты в своем репертуаре! – рассмеялся сын. – Мне уже за тридцать, а ты никак все не привыкнешь, что я взрослый! Пока!

Галина не стала напоминать, как в свой позапрошлый приезд, тоже на машине, но без семьи (эмоциональный всплеск после ссоры с женой), этот взрослый человек отравился на трассе шаурмой так, что едва доехал до Киева. Три дня безвылазно просидел дома, точнее, в туалете. Даже заснул там пару раз, настолько ослаб. Выглядел так, что соборовать впору, с каждым часом становился все изможденнее и изможденнее. Галина, помнившая одесское «карантинное» лето 1970 года⁵ (угораздило же ее родителей поехать на море именно в начале августа и именно в Одессу), уже готова была заподозрить холеру. Но ничего, на четвертый день сын ожил настолько, что смог похлебать жиденького рисового супчика, а на пятый уехал в Москву – мириться с женой.

На фоне грядущего приезда гостей все неприятности стали казаться не то чтобы совсем мелкими, но уже не такими неприятными. Сын говорил о двух неделях, а это означало, что две недели Галина будет с радостью после работы спешить домой. Две недели не придется думать, чем занять свободное время. Две недели счастья... От столь радостного предвкушения и о невестке подумалось с приязнью. Тоже ведь родственница, хоть и не очень-то желанная. Девять лет как родственница, что уж тут...

Даже неприятный разговор с Хашченко не испортил настроения. Холодным тоном Галина высказала свою претензию и попросила впредь согласовывать подобные заявления с нею. Услышала в ответ невнятно-агрессивное бурчание про разделение полномочий, про опыт с квалификацией и про волонтаризм. При чем тут волонтаризм, уточнять не стала и по поводу опыта и квалификации Хашченко не связывала, хоть и очень хотелось. Предупредила, что вынуждена будет обсудить положение дел на кафедре с ректором, и на том разговор закончился. Собственно, то был не разговор, а ритуал, который следовало соблюсти перед тем, как обращаться к ректору. Иначе выглядело бы так, словно она, не ударив пальцем о палец, ничего не предприняв, пытается спихнуть проблему на плечи высшего руководства.

⁵ Летом 1970 года на юге СССР, в том числе и в Одессе, была эпидемия холеры.

Высшего... Именно так. Университет – это государство в государстве, а ректор – царь и бог. Как он захочет, так все и будет.

Галина прекрасно понимала, что существуют причины, и довольно весомые, почему ректор благосклонно относится к Хащенко. Иначе бы тот не оказался в университете вообще или вылетел бы чайкой после первой же выходки. Былой политический вес Хащенко здесь ни при чем. То, что было, да сплыло, серьезными людьми в расчет не берется. Есть что-то другое, непременно есть. Давнее знакомство Хащенко с проректором Гужвой можно не брать в расчет. Ректор прекрасно знает, что Гужва потихоньку подкапывается под него, и не станет ни в чем потакать приятелю Гужвы. Избавиться он от Гужвы не может, там свои резоны, уходящие в горние сферы, но укреплять его позиции не станет. Есть другая причина, другой мотив.

Галина допускала, что в глазах ректора Хащенко мог быть «противовесом». Разделять и властвовать – это вполне в духе ректора, намеренно державшего на виду, на своем рабочем столе макиавеллиевского «Государя», да еще и с закладками, показывающими, что книга читается и перечитывается. Да, характер у нее не подарок, она умеет отстоять свое мнение, не выходя при этом за рамки, но тем не менее – умеет. Наличие «противовеса» вполне оправданно. С точки зрения ректора, разумеется. Но что-то в последнее время этот «противовес» слишком уж потяжелел, того и гляди перетянет. Или это только кажется? А вдруг ректор собирается столкнуть их с Хащенко лбами, чтобы на высоте внутрикафедральной войны поставить на заведование кого-то третьего? Такой вариант тоже нельзя было исключать. Никакой вариант нельзя было исключать, потому что любое коварство, пришедшее тебе на ум, с таким же успехом может прийти на ум и другому.

Разговор с ректором получился сухим и быстрым. То ли ректор куда-то торопился, то ли просто был не в духе. Выслушал, кивнул и выразительно посмотрел на дверь. Не разговор, а камерный монолог для одного зрителя. Бывают театры одного актера, а университет – театр одного зрителя. Зовут его Евгений Брониславович Ховрах, и он здесь самый главный. Царь и бог.

2

Проклятому Куму мало стало дней, он повадился изводить Петра ночами. Снился в разных видах – то ребенком, то взрослым. Раз даже в милицейской форме явился, хотя никогда в жизни ее не носил. Но каким бы ни представал Кум во сне, занимался он всегда одним и тем же – отбирал что-нибудь у Петра. Что у Петра во сне было, то и отбирал – мороженое, велосипед, кошелек, машину... Один раз даже Оксану отобрал. Взял за руку и увел, а она послушно шла за ним и даже не обернулась. То был единственный раз, когда Петр, увидев во сне Кума, не злился. Проснувшись, покосился на размеренно сопящую рядом жену и подумал: «Наяву бы так». Но сразу вспомнил все обстоятельства, препятствующие разводу, и разозлился на всех разом – на Кума, будь он трижды неладен и семижды проклят, на жену и на себя, дурака-перестраховщика.

Ночами хотелось отдыхать, а не просыпаться в холодном поту от яростного зубовного скрежета. Спал Петр мало, пять-шесть часов, смолоду так привык, жаль было тратить на сон драгоценное время, но эти пять-шесть часов вынь да положь, то есть ляг да поспи. Глубоким, крепким сном. Иначе на следующий день все пойдет наперекосяк – давление, головная боль, раздражительность, никакой ясности в мыслях. А владельцу и руководителю торговой сети, пусть и не очень большой, ясность в мыслях нужна постоянно. Слишком много решений приходится принимать, и ошибаться нельзя. Каждая ошибка непременно обернется потерями. Средними или крупными, мелких потерь в большом бизнесе не бывает.

Одна радость была у Петра – его фирма, его детище, созданная с нуля сеть продовольственных супермаркетов «Острів смаку»⁶. С самого что ни на есть нуля, «нулее» не бывает. Поначалу сам Петр был един во всех лицах – директор, он же бухгалтер, он же закупщик, он же «продажник», он же водитель, он же грузчик... Ничего, справился, в люди вышел. Шестнадцать магазинов (средняя площадь 250 метров, все в хороших, «проходных» местах) – это, конечно, не «Бон шанс», но и не кот начихал. Это – настоящая Торговая Сеть! С хорошими перспективами. Ладно, пусть не с хорошими, пусть с неплохими. Даже при наличии в Киеве «Бон шансов», «МЕТРО» и прочих гигантов. С ними тоже можно конкурировать. Гипермаркет предназначен для крупного субботнего шопинга, супермаркет рядом с домом или по пути домой – для небольших ежедневных покупок. Каждому свое, отец бы сказал: «Большому кораблю свой фарватер, маленькому свой». Будучи коком, то есть поваром на круизном корабле, отец любил строить из себя заправского моряка. Слова в простоте не говорил, все переиначивал на морской лад. Даже тюрьма от этой привычки не отучила.

Одна радость была у Петра. И три беды, то есть три крупные личные проблемы.

Проблема номер один – родной сын Остап, единственный наследник, единственная надежда, которого сам Петр давно уже звал не Остапом, а Остолопом. К имени Остап русское «остолоп» подходило лучше, чем украинское «йолоп»⁷. Чтобы заслужить такое отношение отца, надо хорошо постараться. Остап старался изо всех сил. Учился через пень-колоду, иначе говоря – на отцовские взятки, все свободное время посвящал азартным играм. Петр сам был не прочь расписать на досуге пульку в приятной компании, но по маленькой и на досуге. Не выигрыша ради, а чисто из спортивного интереса. Больше ста долларов никогда не выигрывал и не проигрывал. Сын, кажется, тоже больше этой суммы ни разу не выиграл (или просто помалкивал про выигрыши), а вот проигрывал тысячами. Время от времени Петр шел на принцип и заявлял: «Сам проиграл, сам и зарабатывай», – но следование принципу продолжалось недолго, несколько дней. «Зарабатывал» Остап всегда одина-

⁶ Остров вкуса (укр.).

⁷ Дурень, остолоп (бранн.).

ково. Или тайком тянул из дома деньги (как вариант мог стянуть что-то из материных драгоценностей, если нужной суммы налом дома не оказывалось), или же брал в долг. Брал, не думая, прекрасно знал, что отец поворчит-поворчит, да расплатится. Волшебное заклинание: «Папа, меня убьют, если не отдам», – срабатывало без осечек. Пожалуй, на всей Украине не было человека, который радовался запрету игорного бизнеса больше Петра. Запретили, а что толку? Были легальные казино, стали нелегальные. С легальными было как-то спокойнее, все-таки бизнес, а не катран⁸. В то, что двадцатидвухлетний остолоп возьмется за ум и начнет радовать родителей, уже почти не верилось. При всем желании. Петр не раз слышал про то, что на детях гениев природа отдыхает (он не без оснований считал себя финансовым гением), но чтобы уж так сурово... Не сын, а чемодан без ручки. И тащить тяжело, и бросить жалко. Больно и гнусно разочаровываться в детях, но более всего было сознавать, что все нажитое такими (такими!) трудами за долгие годы сын после смерти родителей спустит за месяц.

Если, конечно, останется что спускать. Если конкуренты не задавят, не затопчут, не разорят. Бизнеса без конкурентов не бывает, но конкурент конкуренту рознь. Конкуренты бывают обычные и необычные, то есть зачатые, такие, как Кум, он же Сергей Никитич Кумок, владелец компании «Кум-ОК». Двадцать девять супермаркетов – восемь в Киеве, четырнадцать в Харькове, пять в Запорожье и два в Полтаве. Плюс складской комплекс на двадцать тысяч метров и транспортная компания – это все в Харькове. Киевские магазины и складской комплекс записаны на дочь Яну, но это ничего не значит. Заправляет всеми делами Кум.

Заклятый конкурент был второй проблемой Петра. Обычный конкурент спит и видит, как тебя обскакать. Заклятому конкуренту этого мало. Заклятому конкуренту нужно тебя уничтожить, потому что к деловому интересу примешивается личная неприязнь. Давняя, сильная, ставшая едва ли не смыслом жизни, ее главной целью. Когда-то (дай Бог памяти, в каком это году) Петр выжил Кумка из Киева. Выжил не самыми гламурными методами. Не потому что зверь, а потому что время было такое – зубастое. Или пан, или пропал, или ты, или тебя. По мнению Петра, повода для обиды у Кумка не было. Все произошло по-честному («по чесноку», как любил выражаться Петр). Обе стороны использовали совершенно одинаковые методы, Петр оказался умнее, дальновиднее и победил. Кумок придерживался другого мнения. Перенес остатки своего бизнеса в Харьков, поднялся там потихоньку, поднакопил жирок и вернулся в Киев таким графом Монте-Кристо, благородным мстителем за свою поруганную мечту. Магазины ставил рядом с петровскими «Островами», цены держал хоть на пять копеек, да ниже, по выходным устраивал сногшибательные распродажи ходовых продуктов. Сногшибательные подчас в прямом смысле слова – в толчее у стеллажей кого-то сбивали с ног. Время от времени зачатый конкурент предлагал Петру продать ему всю сеть «Островов» чохом. Глумился, скотина, цену называл оскорбительно низкую (за такие деньги один магазин еще можно было продать, но не всю сеть) и неизменно вставлял: «Пока я добрый».

В любой войне в конечном счете побеждает тот, у кого тыл крепче, у кого больше резервов. Это аксиома. Резервы Петра были уже на исходе. Чтобы поддерживать торговлю на прежнем уровне, пришлось залезть в долги. Долги росли. Петр прекрасно видел, что бизнес катится в пропасть, но брал новые кредиты, надеясь, что проклятый Кум разорится раньше. Другие конкуренты в сравнении с Кумом выглядели зайчиками-пайчиками. У них не было никаких личных мотивов. Каждый из них карабкался вверх, отпихивая остальных. А Кум вцепился в Петра и тянул его вниз. Большая разница.

⁸ Катран (*жарг.*) – нелегальное место для азартных игр, игорный притон.

Кумку тоже приходилось несладко. Петр вел войну на своем поле, имея развернутую, раскрученную сеть, налаженные связи с поставщиками и властями. Кумок же только начинал раскручиваться в Киеве, наработывал связи. Много надо денег, чтобы лепить новые магазины как пирожки и демпинговать, демпинговать, демпинговать... Петр в силу своего опыта мог примерно представить размеры резервов Кума. Не с точностью до гривны, но более-менее объективно. По его расчетам выходило, что Куму пора было обанкротиться еще позавчера, но тот, казалось, и в ус не дул. Готовился открывать девятый магазин на Голосеевке⁹. Возле станции метро, прямо напротив самого «оборотистого» из магазинов Петра.

Два дня назад до Петра дошли слухи, объясняющие прыть Кума. Свой человек из городской администрации шепнул, что Кумок стакнулся с начальником управления торговли Горобцом, и они намерены прибрать к рукам все мелкие торговые сети в городе. «Острів смаку» стал первой ласточкой, со временем настанет черед и остальных.

Информация не просто настораживала, она пугала. Подружились волк с медведем и пошли овец драть. Горобец был известным, весьма хватким рейдером. Теневым, предпочитавшим действовать через подставных лиц, но разве от людей что скроешь? Интересно, как Куму удалось найти подход к Горобцу? Так же вот просто не придешь и не предложишь «объединить усилия», нужны рекомендации, гарантии. Петр и сам не отказался бы от союза с Горобцом. Впрочем, нет, отказался бы, потому что предпочитал играть первую скрипку, пусть и в маленьком оркестре. «Островов» вам захотелось, панове? А хрену с горчицей не желаете? Как бы у вас «Острова» поперек горла не встали! Сдаваться и отступать Петр не привык, но и без того изнурительная борьба обещала стать еще труднее.

Проблема номер три – жена Оксана. Не столько сама она, сколько глупость Петра, некогда казавшаяся не глупостью, а предусмотрительностью. Мода была такая – записывать имущество на близких родственников. На всякий случай, чтобы не конфисковали, случись что. Тогда ведь случалось на каждом шагу, сплошь и рядом, вот люди и подстраховывались. Кто на жен писал, кто на родителей, кто на братьев с сестрами. Родители Петра к тому времени умерли, сестре он не доверял, а жене доверял, даже очень. Пока черная кошка между ними не пробежала, жили душа в душу. А когда пробежала, Оксана уже владела кучей недвижимости – двумя киевскими «хатами», коттеджем в Подгорцах, земельным участком в Заборье, что был куплен под дом Остапу, и, что самое главное – десятью магазинами, точнее – помещениями, в которых они располагались. Поначалу Петр предпочитал выкупать помещения под магазины. Свое – это свое, никто арендную плату не повысит и съехать не попросит. Своя рука владыка. Потом времена изменились. И недвижимость круто подскочила в цене, и денег свободных меньше стало, и крутиться-поворачиваться надо было быстрее, поэтому для шести последних магазинов Петр помещения не выкупал, а брал в аренду. При таком поганом (иначе и не скажешь) раскладе развод для Петра означал крах бизнеса и вообще конец обеспеченной жизни. Ни кола ни двора, да еще и за десять магазинов придется вносить арендную плату по высшей ставке. Если еще Оксана не продаст все эти помещения Кумку. Прекрасно зная характер жены, Петр не обольщался на ее счет. Понимал, что пока все хорошо, а если точнее – не совсем плохо, то есть пока не дошло до развода, жена ведет себя лояльно. Все-таки одна семья, одно целое. С большой трещиной посередине, но целое. Как только целое распадется на две половинки, Оксана покажет зубы. И что тогда делать? Времена уже не те, чтобы с нуля подниматься, да и силы не те. Годы берут свое, особенно *такие* годы. Нет, какой-нибудь небольшой «быстрооборотный» бизнес замутить всегда можно. Пяток грузовичков купить и заняться перевозками или, скажем, отель с почасовой оплатой открыть. Но это же не дело... Ни полета, ни масштаба, ни удовольствия. Одно расстройство...

⁹ Район Киева.

Если враг создает коалицию, то и тебе не годится мешкать. Упустишь время – упустишь бизнес. Петр решил действовать по двум направлениям (действовал бы и по третьему, да третьего не было) – попробовать объединиться в нечто вроде консорциума с кем-то из конкурентов. В конце концов, союз Горобца с Кумком угрожал не только Петру, его просто собирались съесть первым. Конкуренты уже должны были быть в курсе. Все имели своих людей в городской администрации, без этого мало-мальски серьезный бизнес вести невозможно. Первую удочку Петр закинул в «Повну кишеню»¹⁰, с владельцами которой, братьями-близнецами по фамилии Паливода¹¹, у него были довольно неплохие отношения. Не только в бане вместе парились и в преферанс играли, но и время от времени совместно «нагибали» чересчур строптивых поставщиков. Владельцы «Кишени» смотрели далеко вперед, то есть были людьми высокого полета, а с такими иметь дело не только выгодно, но и приятно. С ними (если все пойдет гладко) можно было сотрудничать и по второму направлению – развиваться в регионах. Братья уже подготовили «стартовую» площадку, открыв по магазину в каждом областном центре, но стартовать одновременно повсюду конечно же не могли, ресурсов для такого рывка не хватило бы.

О регионах Петр подумывал давно, но как-то вяло, между делом. В Киеве, «окруженном» гипермаркетами, торговать было непросто, но, с другой стороны, место насиженное, все схвачено, отлажено, открытие новых магазинов и заполнение их товарами не представляет проблем. На новом месте развиваться куда сложнее. Зато конкуренция не столь велика. Наиболее привлекательным Петру казался Крым. Курортный сезон почти шесть месяцев в году, толпы народу, отдыхающие тратят деньги легко, во всяком случае, каждую копейку не считают. А если еще на сезон «прицеплять» к каждому магазину по летнему кафе, можно иметь на круг не меньше, чем в Киеве. Торговля в Крыму толком еще не развернулась, сетей было мало, а подмять под себя отдельные мелкие магазинчики большого труда не составит. Крым представлялся Петру большим непаханным полем – запрягай да паши, сколько успеешь вспахать, все твоё! Издалека картины всегда смотрятся оптимистичнее. «Хорошо бы развернуться в Крыму, – думал Петр, и с каждым разом эта мысль грела душу все сильнее. – Это же и развитие, и запасной аэродром на всякий случай, если вдруг в Киеве придется сворачивать дела». Полный перевод бизнеса из Киева в регионы (не дай Бог, конечно, но следует быть готовым ко всему – на войне как на войне) при всех хлопотах и потерях сулил одну крупную выгоду. Продав киевскую торговую (а может, и не только торговую) недвижимость, все купленное на новом месте Петр уже записал бы на себя, а не на жену. Тогда бы и о разводе можно было подумать. Умный человек и из поражений кое-какую выгоду сможет извлечь.

Развестись очень хотелось. До зубовного скрежета (это выражение у Петра служило для характеристики наивысшего напряжения душевных сил, поскольку при стрессах он на самом деле скрипел зубами). Тягостно было терпеть рядом с собой вечно недовольную всем женщину. Особенно тягостно, если вспомнить, какой Оксана была раньше – веселой, ласковой, жадной на любовь. Была... Жена менялась как-то незаметно, неуловимо, Петр долгое время ничего не замечал (некогда было, дел всегда по горло), а когда заметил, было уже поздно. Попытки вызвать жену на откровенный разговор долгое время оказывались безуспешными. Оксана уходила от разговора, ссылаясь то на усталость, то на головную боль, то на что-то еще... Причину всегда найти можно, было бы желание. Но Петр все подступался и подступался, все вызывал да вызывал и, наконец, услышал, что они стали чужими друг другу, и это плохо. Но у них есть ребенок, и это хорошо, потому что ради ребенка можно многим пожертвовать. Ну и так далее... Итог был такой – время покажет, что нам делать, а пока оставь меня в покое. Петр, привыкший во всех бедах винить конкурентов, заподо-

¹⁰ Полный карман (укр.).

¹¹ Сорванец (укр.).

зрил, что у жены появился любовник. Нанял частного детектива, который оказался полным кретином. Явился среди бела дня в больницу к Оксане и начал наводить о ней справки у сотрудников. Ладно бы действовал как-то тонко, деликатно, а то спрашивал в лоб и у всех подряд без разбору. Скандал (Бородино и извержение Везувия в одном флаконе) Петр получил раньше, чем отчет от горе-сыщика. Тогда-то и прозвучала угроза оставить его в случае развода «с голым задом». Всего один раз прозвучала, но этого было достаточно. Семь лет прошло, а Петр помнит и всегда будет помнить. Почему не развелись до сих пор? Из-за сына. Сначала не хотели травмировать подростка (известно же, насколько они ранимы, эти слегка повзрослевшие дети), а потом, когда Остап превратился в Остолопа, понимали, что кое-как сладить с ним можно только совместными усилиями. Петру не хватало времени для контроля, этим занималась Оксана, зато он мог при случае проявить мужскую строгость – сказать свое веское «нет», стукнуть кулаком по столу (а иногда и не по столу). Не очень, но все же помогало. Во всяком случае, отца Остап побаивался. Жил бы с матерью, давно бы все ее побрякушки спустил и все мало-мальски ценное из дому бы вынес. Нет, мужская рука это мужская рука. Что бы там ни говорили психологи, а ребенку (и молодому парню тоже) нужна строгость. Без нее никуда. К психологам у Петра был особый счет. Эти шарлатаны (а как их иначе назвать, если от них нет никакого толку?) вытянули из него едва ли не столько же денег, сколько пустил по ветру Остап. И что? Разве сын хоть на время образумился и перестал играть в карты и в рулетку? Фигушки вам! Только обнаглел пуще прежнего. Раньше хоть краснел, когда его ругали, и глаза прятал, а теперь смотрит гоголем и твердит, что лудомания¹² – это не порок, а болезнь. Больных нельзя ругать, их лечить надо.

Настал день, и у Петра, при всей его настойчивости, при всем упрямстве, опустили руки. Он признал свое поражение, и теперь если и отчитывал сына, то больше по привычке. Хорошего не ждал, понял, что не дождется. Появилась мысль, что сорок семь – это еще не возраст, что в сорок семь можно начать новую жизнь с другой, новой женой. Можно родить еще ребенка, а то и двух. Снаряд, как известно, в одну воронку дважды не попадает, глядишь, еще и успеешь порадоваться на свое чадушко. И помирать, наверное, не так страшно, когда знаешь, что дело твоей жизни будет продолжено. Это все равно что не совсем умереть, часть твоей души будет жить в деле, в памяти о тебе. Во всяком случае, как-то так представлялось Петру. Но развод грозил обернуться крахом... Куда ни кинь, всюду клин. Ржавый. Когда-то теплилась в душе надежда, что с Оксаной все наладится, что она сбросит с себя чужую личину и станет прежней. Знакомой, любимой, родной... Но время шло, и чужая личина стала знакомой. Настолько, что в ближнем кругу Петр позволял себе шуточки. Горькие, неостроумные, вроде такого: «Мы простоквашу не покупаем, от вида жены молоко само сворачивается». Глупость, но пока ты сохраняешь хоть какое-то чувство юмора, тебя нельзя считать побежденным. Юмор висельника – изнанка надежды на лучшую долю.

Доля. Любимое слово. Фамилия Петра была Доля. Фамилия нравилась – красиво, коротко, емко и со смыслом. Не Наливайко, не Подопригора, не Непийпиво, а До-ля. «До» и «ля» – две ноты, перезвон колокольчика. На заре своего предпринимательства Петр хотел назвать свои магазины по фамилии. Звучно же и запоминается намертво. Но потом представил, как одна тетка говорит другой: «Пойдем в «Долю», – и передумал. Покоробило, жалко стало собственную фамилию в общее пользование отдавать. Глупость, конечно, но передумал, решил, что нехай будет «Острів смаку». Тоже хорошее название. Кругом море безвкусицы, безвкусы, серость сплошная, и вдруг яркое пятно – остров вкуса. Вставляет. При всей своей внешней брутальности и суровости, в глубине души Петр был поэтом. В юности,

¹² Лудомания (от *лат.* «лудо» – <я>, играю и *греч.* мания – безумие, влечение) – разновидность психического расстройства, патологическое влечение к азартным играм (игромания). Включена в Международную статистическую классификацию болезней и проблем, связанных со здоровьем.

еще при социализме, пробовал сочинять стихи. Одно стихотворение даже в газете напечатали. Радости было до неба. Сейчас десять миллионов в лотерею выиграй, такой радости не будет...

А может, причиной семейного разлада стала Ольга? Но ведь не было ничего, ни случая, ни повода, одни намеки. Обстоятельства оказались сильнее чувств, да и были ли чувства? Так, родственная приязнь, не более. Делать из такого выводы, это уж слишком. Хотя... Женщины чувствуют, когда оно так. У них на эти дела чуйка, дай Боже... А что не почувствуют, то придумают. Да что толку копаться в прошлом? Главное, не мотивы, а результат. Итог. Закономерный и досадный...

Зазвонил «личный» мобильный. По нему, в отличие от обычного, делового, номер которого знало пол-Киева, Петр отвечал всегда. Номер звонящего не определился – странно. Наверное, какой-то сбой.

– Петр Николаевич? – не здороваясь, уточнил незнакомый мужской голос.

– Я слушаю! – ответил Петр. – Кто вы?

– Друг, – коротко и расплывчато представился незнакомец. – Ваш сын у нас, и, если хотите, чтобы с ним все было хорошо, вы должны за это заплатить.

– Должен? – переспросил Петр, постепенно осмысливая услышанное. – Кому должен?

– Будьте на связи. Вам перезвонят.

Короткие гудки впивались в ухо злыми пиявками.

Мало было печали, так еще это.

3

– ...твою мать! Вот суки!...!.....!

Матерная брань редко звучала во дворе дома, носившего почетное звание «профессорский». Нонсенс. А уж если матерится сын Витюша, так это вообще парадокс. Сын никогда не испытывал тяги к сквернословию. «Дурак», «идиот», «черт побери» – вот, пожалуй, и весь его «бранный» набор. А тут выдает такие замысловатые фиоритуры, да еще на весь двор!

Не веря ушам своим, Галина выглянула в окно. Сын стоял возле своего серого «акцента», разводил руками, качал головой и продолжал ругаться.

– Колеса? – спросила Галина.

Ее не столько интересовало, что случилось с машиной (не угнали же), сколько хотелось «переключить» сына на нормальную речь. Стыдно перед соседями. А больше всего стыдно перед Ганнусей. Она прекрасно слышит все, что говорит, то есть орет папа. Нехорошо.

– Спустишь, посмотри! – пригласил Виктор и в сердцах пнул ногой колесо.

Материться, правда, перестал. Выговорился.

Спустились втроем. Невестке и внучке тоже захотелось посмотреть, по какой причине так разоряется муж и отец вместо того, чтобы спокойно съездить за хлебом.

Хлеб никогда не покупался впрок, только свежий, с запахом и с хрустящей корочкой. Глупо покупать по пять буханок и держать их в холодильнике, ведь вчерашний хлеб это уже не хлеб, а сырье для сухарей.

– Вот! Полнобуйтесь! – голосом, полным трагизма и боли, сказал Виктор и отступил в сторону, чтобы не закрывать обзор.

Неизвестный хулиган нацарапал на боку машины большими буквами «Москалі геть з України!!!»¹³. С тремя восклицательными знаками – крайняя степень экспрессии.

– Могли бы и на одной двери написать! – сказала Ольга.

«Москалі геть» было нацарапано на правой задней двери, а «з України!!!» – на передней. Царапали чем-то острым, гвоздем или шилом, глубоко царапали, старались на совесть, если это слово применимо в подобных случаях.

– Запятую забыли поставить! – машинально вырвалось у Галины.

– Мама! – Виктор схватился за голову. – Какая, к черту, запятая?! Может, еще про кавычки вспомним?!

Последовал еще один пинок по ни в чем не повинному колесу.

– А кто такие «москалы»? – спросила Ганнуся.

Детский вопрос, как это часто бывает, поставил взрослых в тупик.

– Ну-у... – начал Виктор, переглянувшись с матерью и женой, – это такие люди...

– Плохие? – уточнил ребенок.

– Ну почему же плохие...

– Потому что «геть»! «Геть» хорошим людям не говорят. Вот ты, папа, говоришь мне «геть з очей моих»¹⁴, когда я делаю что-то не то, верно?

Против убойной детской логики возразить было нечего. Галина отметила про себя, что надо будет после поговорить с сыном с глазу на глаз, сделать ему внушение, чтобы следил за речью. Нельзя говорить родной дочери «геть з очей моїх». Ни при каких обстоятельствах. Можно призвать к порядку, объяснить, в чем она неправа, но не прогонять прочь, да еще и в такой резкой форме.

¹³ Москалы, вон с Украины! (укр.)

¹⁴ Прочь с глаз моих! (укр.)

– Москаль, Анечка, это плохое слово, – сказала Ольга, глядя дочь по голове. – Унизительное. Так глупые люди называют русских...

«Вообще-то, не русских, а москвичей, русских называют «кацапами», – подумала Галина, но поправлять невестку не стала. Незачем обострять отношения по пустякам. Из таких вот пустяков потом вырастают огромные обиды.

Публика в доме жила интеллигентная, поэтому толпы вокруг машины не собралось и в окна никто открыто не пялился, посматривали мельком, словно невзначай.

– Анекдот! – Виктор перешел с русского на украинский. – Мне в родном городе, в родном дворе написали на машине «геть з України!» Бред! Кому расскажу, не поверят! Ни в Киеве, ни в Москве! И что мне теперь делать?

– Красить! – сказала Ольга на русском, она вообще всегда говорила на русском, лишь изредка вставляя в речь отдельные украинские слова. – Не будешь же так ездить. Стыдоба!

– Стыдно должно быть тому, кто это сделал, – заметила Галина, переходя на родной украинский следом за сыном. – Но привести машину в порядок надо. Это долго, Витю?

– Сутки, – буркнул тот. – Но я не о том, красить или не красить. Я о том, что мне делать потом? Чтобы снова не написали чего-нибудь? Написать спереди на стекле «справжній хохол»¹⁵, чтобы видели, что я не москаль? Ксерокопию паспорта прилепить?

– В паспорте национальность не написана, – сказала Ганнуса.

Галина порадовалась тому, что внучка хоть и не разговаривает по-украински, но все понимает.

– Зато фамилия написана, – на русском ответил ей отец, – а с фамилией Любченко трудно сойти за москаля.

– Поставь на охраняемую стоянку и спи спокойно, – посоветовала Галина. – И вообще, наш семейный совет затянулся. Поезжай на покраску, а за хлебом сходим мы с Ганнусей. Оля, если хочешь, пошли с нами, прогуляемся.

– Нет, Галина Дмитриевна, я лучше с Витей съезжу, чтобы ему не скучно было, – сказала невестка. – Только переоденусь.

«Чего там скучать? – удивилась Галина. – Доедет до ближайшей фарбувальни¹⁶, сдаст машину и вернется. Дел на час, не больше. Хотя у Ольги могут быть свои соображения...»

«Свои соображения» – это ревность, поводов для которой чересчур любвеобильный Виктор давал предостаточно. Весь в отца. Тот был родом с Полтавщины, из города Кобеляки и на все упрёки без стеснения отвечал: «Так я же с Кобеляк, у нас там все кобели!» У сына другое оправдание, столь же малоубедительное: «Люблю-то я только жену и больше никого, так что все остальные женщины не в счет». Ага, не в счет... Виктор с детства был дамский угодник. Игры с девочками, цветочки-поцелуйчики... У него подружек всегда было больше, чем друзей. Галина любила сына, он для нее был самым-самым лучшим на свете, но в то же время она была способна объективно оценивать его, замечая не только достоинства, но и недостатки. Если уж объективно, то можно было только удивляться тому успеху, которым Виктор пользовался у женщин. Не урод, слава богу, но и не писанный красавец. Высок, но не плечист и не накачан – сутул и худощав. Язык хорошо подвешен, но не настолько, чтобы можно было уболтать-очаровать. Интеллект? Много ли женщин ставят интеллект на первое место, да и не сразу он виден. Это не мужественность, которая проявляется сразу же, подмечается с первого взгляда. С мужественностью как таковой, кстати говоря, у Виктора дела обстояли не лучшим образом. Вырос он немного инфантильным, не склонным брать на себя ответственность. Возможно, в этом частично была повинна Галина – много баловала маленького Витеньку и слишком уж рьяно ограждала от разных житейских невзгод. «Что ты над

¹⁵ Настоящий украинец (укр.).

¹⁶ Красильня (укр.).

ним трясешься, словно курица?» – говорил муж. «Курицей» он называл Галину всегда, когда был чем-то недоволен. Называл с ехидцей, намекая на созвучие ее имени с латинским словом «galina», обозначающим курицу. А как не трястись? Своя ведь кровиночка, не чужая. С другой стороны (достоинства и недостатки, как известно, идут рука об руку), мягкий, покладистый характер существенно облегчает человеку жизнь. Можно только радоваться, что сын не тиранит домашних, не заставляет их плясать под его дудку, как это делал его отец. Еще бы жене не изменял, так совсем все хорошо было бы... Впрочем, совсем хорошо никогда не бывает. Не существует в природе бочки меда без ложки дегтя. И если бы только одной ложкой дело ограничивалось...

По пути в булочную Галина попробовала разговорить внучку. Не очень-то хорошо исподтишка вытягивать из ребенка информацию, но что же делать, если нет других источников? Как унять тревогу, поселившуюся в душе с момента приезда гостей? Ничего такого особенного не было – ни споров, ни косых взглядов, ни упреков. Сын с невесткой культурные люди, не станут устраивать в гостях концертов напоя. Но Галина сразу же уловила некоторую натянутость в их отношениях. Держались они друг с другом как-то принужденно, чересчур предупредительно, слишком уж вежливо. Особенно сын. «Оленька, милая, можно попросить тебя застелить постель, а я тем временем разгружу машину?» – слишком длинно и приторно для Виктора. С чего вдруг вставлять «милая» в обычный бытовой вопрос? Что так церемонно? Зачем вообще спрашивать? И так ведь ясно, что легче застелить постель (заранее, до приезда гостей Галина никогда постели не стелила – плохая примета), чем таскать сумки из машины. Легкое дело женщинам, тяжелое мужчинам. В нормальных обстоятельствах Виктор бы просто сказал: «Оль, стели постель, а я за вещами пошел». Все неприличное, неестественное настораживает. А как же иначе?

– Как хорошо, Ганнуса, что вы надумали приехать, – сказала Галина на украинском. – Я так рада!

Где же еще внучке поговорить на родном языке, как не в Киеве да не с родной бабушкой? Мать ее, несмотря на украинские корни, языка не знает, дома говорят по-русски, разве что «геть з очей моїх» отец скажет, так этого Ганнусе лучше бы вообще не слышать.

– Я тоже рада, – ответила Ганнуса.

– Ты теж рада, – повторила Галина, чтобы внучка запомнила, как будет «тоже» на украинском, ничего, через две недели Ганнуса не только говорить на ридной мове¹⁷ станет, но и песни петь, дети быстро все схватывают, буквально на лету.

– А вот папа не рад. – Ганнуса вздохнула совсем по-взрослому.

– Почему? – «удивилась» Галина.

– Ну, ему же на машине написали плохие слова, – объяснила внучка. – Теперь еще на покраску тратиться. Как бы еще не пришлось всю машину перекрашивать...

– Всю машину перефарбовуваты? – повторила Галина. – А зачем всю?

– Вдруг в цвет не попадут. Когда папу зимой в зад стукнули, он очень переживал, попадут в цвет или нет. Баб, а у вас здесь московская страховка не действует? Странно, что папа не стал агента вызывать...

– Лишней метушни¹⁸ не захотел, – предположила Галина.

– Метушни? – переспросила Ганнуса. – А-а, это от слова «метаться»... Да, папа метушни не любит. А я люблю! Люблю, когда надо что-то делать, бегать. Это же так здорово. Взрослые часто жалуются на скуку, а чуть какое дело появится, так тоже жалуются.

¹⁷ На родном языке (укр.).

¹⁸ Возни, суеты (укр.).

– Не все так, Ганнусю¹⁹, я, например, на скуку никогда не жалуясь. – Галина сказала правду, жаловаться она не любила, ни на скуку, ни на что другое, даже в редкие свои походы по врачам на вопрос о жалобах отвечала: «Жалоб нет, есть проблемы». – И дела бывают разные. Есть нужные дела, а есть и такие, без которых можно и обойтись. А что, твоим папе с мамой часто бывает скучно?

– Часто, – подтвердила Ганнуся. – Почти каждый вечер. Но это они сами виноваты. Вместо того чтобы поиграть или поговорить, разойдутся по разным комнатам, уткнутся в свои ноутбуки и скучают. Баб, а как по-украински будет «ноутбук»?

– Так и будет, – улыбнулась Галина. – А тебе я вот что скажу, ты, если видишь, что мама с папой скучают, не оставляй этого так, предложи им поиграть или кино всем вместе посмотреть...

– Оно мне надо? – совсем по-взрослому спросила Ганнуся. – Когда мама с папой скучают, их лучше не трогать. Баб, а Киев считается южным городом?

– Не так уж чтоб южным, это не Одесса, но в сравнении с Москвой – да, южным. У нас теплее...

– В Москве уже осень, а у вас еще лето!

День был погожий, солнечный, но, конечно, не летний. Градусов пятнадцать, и ветерок прохладный срывается. Конец октября. Но если ребенок хочет, чтобы было лето, пусть будет так.

– Лето, – согласилась Галина и добавила: – Это погода радуется вашему приезду.

«Никогда не иди на компромиссы, – учил маленькую Галю отец. – Уступила – значит проиграла». Правильно учил, вот и сейчас совершенно невинный на первый взгляд компромисс обернулся неловкой ситуацией.

– А летом можно есть мороженое! – просияла Ганнуся. – Осенью мама не разрешает, боится, что я горло застужу, а летом можно! Давай купим мороженого, а?! Пока до булочной дойдем – съедем.

В детских глазах было столько радости, точнее – ее предвкушения, что отказать было невозможно. Однако и о последствиях забывать не след. Пришлось изобретать новый компромисс.

– На улице мороженое мы есть не станем, – твердо сказала Галина. – Тем более что до булочной мы его съесть не успеем, почти пришли. Но мы можем зайти в кафе и поесть мороженого там. Не торопясь, чтобы горлу не было вреда.

Возражений не последовало. Пока лакомились, учили названия месяцев по-украински. Двойная польза – и знание, и процесс поедания мороженого существенно замедляется. Заодно углубились в сравнительную лингвистику (если это можно так назвать) – обсудили, что слово «червень» происходит не от слова «червяк», а от слова «червоний»²⁰. После холодного мороженого Ганнусе захотелось горячего какао, поэтому в кафе просидели почти час и успели обсудить, кажется, все на свете, все Ганнусины новости. Часть этих новостей, касающаяся семьи, Галину расстроила. Из отдельных фраз складывалась довольно-таки безрадостная картина семейного разлада. К уже слышанному «разойдутся по разным комнатам» добавилось «мама стала часто плакать, это у нее от нервов», «папа не любит маминых гостей, а мама папиных», и много чего еще в том же духе. Допивая какао, Ганнуся проболталась, что вначале папа собирался ехать в Киев один, но маме тоже захотелось провести родственников, и она договорилась на работе, чтобы ей дали отпуск. И в школе тоже договорилась – с условием, что дома будет учить с Ганнусей пропущенное, иначе бы непустили. Вот оно

¹⁹ Имя Ганнуся в звательном падеже. В русском языке сохранились реликты звательного падежа в таких словах, как, например, «отче», «боже», «господи».

²⁰ Красный (укр.). Хотя на самом деле и «червяк», «червь» от этого же корня.

как, оказывается, было на самом деле. Может, конечно, и родственников захотелось проводить, а может, и мужа одного отпускать не хотелось. А что, если...

Мысль была настолько смелой и не свойственной Галине, что она сначала улыбнулась, потом ужаснулась тому, какая чушь лезет в голову, но сразу же подумала – а почему бы и нет? Почему бы не вызвать невестку на откровенность? С Виктором все заранее ясно – сначала начнет уверять, что все в порядке, и раздражаться, что ему не верят, потом признает, что не все в порядке, но волноваться нечего – все как у людей. И Ольгу, небось, предупредит, чтобы держала язык за зубами и вообще следила за своим поведением, не давала све-крови повода для волнений. Так что, может, для начала поговорить с Ольгой? Чисто по-женски, доверительно? Завести разговор издали, рассказать немного про свою жизнь с бывшим мужем, отцом Виктора... Тем более что сегодня будет и повод, и случай. Константин вечером придет повидаться с родней. График уже составлен, завтра вечером идут к Олиной тетке, послезавтра к кому-то из друзей-приятелей Виктора... В предвкушении застолья Константин приедет на такси. Затем Виктор непременно пойдет провожать отца. Проводы (с непременно заходом в ближайший шинок²¹ для «подогрева» и разговора по душам с глазу на глаз) растянутся не меньше чем на полтора часа. Будет время для разговора с Ольгой, а повод даст Константин. Непременно даст. Не было такого, чтобы он при встрече не сказал Галине чего-то обидного, не подпустил бы со своей вечной улыбочкой какой-нибудь шпильки. Обидеть, поглумиться, а затем упрекнуть в чрезмерной обидчивости и отсутствии чувства юмора – в этом он весь. Сущность такая у человека – гнилая. Чувствует себя хорошо лишь тогда, когда унижает других. Боже мой, это какой же надо было быть душой, чтобы принимать эту гниль за прямоту, проявление юмора и даже за принципиальность. Столько лет обольщаться! Ха-ха, вспомнить смешно! Принципиальность? Да более беспринципного человека, чем бывший муж, Галина, пожалуй, за всю свою жизнь и не встречала. Принцип подразумевает некие внутренние убеждения, какой-то духовный стержень. А какой может быть стержень у пузыря? Он же пузырь, раздутый мыльный пузырь. Переливается всеми цветами радуги, а ткни – и пшик!

На ловца и зверь бежит. Бывший муж не подвел, дал кучу поводов для разговора о непростой женской доле. С порога упрекнул Ольгу, что она плохо кормит мужа, дескать, очень уж худой. Упрек сопровождался наглядным примером. Константин расстегнул пиджак, встал в профиль и гордо похлопал себя по брюху (только идиот может гордиться ожирением третьей степени). Разумеется, подчеркнул, что при жизни с Галиной он настолько не разъелся, это, мол, «заслуга» новой жены, непревзойденной кулинарки и вообще мастерицы на все руки. За столом, усердно наворачивая все, что приготовила Галина, учил Ольгу, как нужно варить «настоящий борщ». Кто бы учил? Человек, который, кроме глазуньи, ничего приготовить не умеет? Да еще и вставлял то и дело в свои поучения фразочки вроде: «Вы там, в вашей Москве, совсем «обмоскалились»». Галина дважды пробовала вмешаться, но заставить Константина свернуть с избранной темы, все равно что трамвай с рельсов спихнуть – бесполезное занятие. Когда Виктор под «обмоскалились» рассказал про случай с машиной (пятьсот долларов за покраску пришлось выложить, подумать только!), Константин начал декламировать из Шевченко:

Кохайтесь, чорнобриві,
Та не з москалями,
Бо москалі – чужі люде,
Роблять лихо з вами.

²¹ Питейный дом, кабак (укр.). В наше время употребляется в разговорной речи для обозначения любого заведения (рюмочной, кафе, бара, ресторана), где подаются крепкие спиртные напитки.

Москаль любить жартуючи,
Жартуючи кине;
Піде в свою Московщину,
А дівчина гине —
Якби сама, ще б нічого,
А то й стара мати,
Що привела на світ божий,
Мусить погибати...

Декламировал нараспев, с выражением (педагог же) и все глазом косил на Ольгу, будто намекал, что это она москаль. Галина, изловчившись, незаметно пнула идиота под столом — заткнись! — но что такому кабану интеллигентный женский пинок? Он спокойно продолжал.

Серце в'яне співаючи,
Коли знає за що;
Люде серця не побачать,
А скажуть — ледащо!
Кохайтесь ж, чорнобриві,
Та не з москалями,
Бо москалі — чужі люде,
Знущаються вами...²²

Ольга сидела красная, как свекла. Декламация могла растянуться надолго, поэма-то немаленькая. Чтобы спасти положение, Галина решилась на крайние меры. Встала, взяла со стола блюдо с жарким и елейным голосом (уж Константин-то прекрасно знал, что кроется за этой елейностью) предложила:

— Костю²³, положить тебе еще подливы?

— Нет, спасибо, — ответил бывший муж, оборвав декламацию на полуслове.

Понял, что рука у Галины непременно дрогнет, и горячая подлива окажется не в тарелке, а на брюхе. А то и все блюдо можно опрокинуть как будто случайно. Все равно там мяса уже нет, одна подлива и осталась.

С кого другого было бы достаточно пакостей для одного вечера, но не с Константина. Обратив внимание, что Ганнуся дичится (а как ей не дичиться, дети, они ведь не все еще понимают, но все чувствуют, в том числе и накал атмосферы), так вот, обратив внимание на Ганнусю, Константин покачал головой и выдал:

— А у ребенка-то явные проблемы с общением, — вот так, в третьем лице о родной внучке и с обескураживающей прямоотой. — Ну да, у психологов обычно самые запущенные дети.

Ольга дернула щекой, погладила Ганнусю по голове и сказала как ни в чем не бывало:

— Анечка у нас общительная. Но кроме того, она еще и скромная, воспитанная девочка. Не лезет во взрослые разговоры, не стремится завладеть всеобщим вниманием. Она лучше промолчит, чем глупость скажет.

²² Любитесь, чернобровые, Но не с москалями, Москали — чужие люди, Причинят вам горе. Москаль любит шутя, Так же шутя бросит; Уйдет в свою Московщину, А девушка погибнет. Ладно бы еще сама, А то ведь и старой матери, Что родила ее на свет божий, Придет погибель. Сердце увядает от песни, Когда есть причина; Люди сердца не заметят, А скажут — дурачина! Любитесь же, чернобровые, Но не с москалями, Москали — чужие люди, Издеваются над вами». (Тарас Шевченко. «Катерина», пер. А. Л. Шляхова)

²³ Звательный падеж от Кость (украинское сокращение от имени Константин).

Галина поставила невестке за выдержку семь баллов по пятибалльной шкале. А уж как хороша была последняя фраза! Уела свекра, как есть уела, и так деликатно, что и ответить нечего – полным дураком выставишься.

– Не мырыгуй ня!²⁴ – сказала Галина.

Сказала негромко, будто про себя, намеренно не глядя на Константина, но кроме него понимать западный диалект было некому. Дошло. Заткнулся, надулся и до ухода говорил мало, только на вопросы отвечал. На прощание полез было к Галине с поцелуями, но она увернулась и снова сказала на захиденском²⁵:

– Мачку свою цьомай!²⁶

Что за вольности? Статус бывшего мужа и вынужденного гостя (черта с два она бы его пригласила, если бы не приезд сына) не дает права так себя вести. Есть жена, кудесница, рукодельница, на все руки мастерица, вот ее и целуй. Про жену Константина слухов по Киеву ходило много. Если хотя бы десятая часть была правдой, то Константину полагалось рогами притолку сшибать. Закономерно. Тридцать лет разницы, да и что тоненькой хрупкой розочке может дать эта толстая противная жаба? В смысле удовольствия, прочие выгоды известны – достаток, жилье в столице, статус в школе, где она при мизерном педагогическом стаже и никак не опыте стала завучем. И не боится ведь, дурачина, такого «семейного» расклада на работе. Пусть они официально не расписаны, тем не менее все же знают. Все знают все про всех. Киев, это вам не Нью-Йорк, здесь не успеешь на Подоле чихнуть, а в Дарнице²⁷ уже говорят: «Будь здоров!» Можно только представить, сколько кляуз пишут на Константина, да и на «мачку» его тоже.

Проводили. Перекрестились (мысленно), сейчас еще говорят «выдохнули». Усадили Ганнусу смотреть мультики и начали убирать со стола.

– Не бери в голову, – с напускной простотой сказала невестке Галина. – Дурак он, самодовольный надутый дурак. Павлин. Не перестаю удивляться, где были мои глаза в свое время. Уж лучше бы его совсем не было бы в моей жизни!

– Тогда бы и Вити не было, и Анечки, – рассудительно и с охотой откликнулась Ольга. – Я и не беру, что там брать. Только радуюсь, что живем в разных городах и видимся раз в два года. Можно и потерпеть.

Потянуло сыграть ва-банк. Была не была, решила Галина и спросила:

– Про меня, наверное, тоже так думаешь?

Голосу, насколько смогла, придала шутливый тон, но, кажется, не справилась – вопрос прозвучал серьезно. И ответ на него был серьезным.

– Про вас так не думаю, – без промедления, что давало основания надеяться на искренность, сказала Ольга. – С вами бы я хотела жить в одном городе. Может, не в одной квартире, но где-нибудь по соседству было бы замечательно.

«Может, не в одной квартире» окончательно убедило Галину в искренности невестки. Если притворяться, то такого не скажешь. Лишний напярк. А вот правда говорится так, как есть. На то и правда.

– Я бы тоже не отказалась, – ответила Галина. – И тоже считаю, что лучше по соседству, а не под одной крышей. Один дом – одна хозяйка, это единственно верное соотношение. Но при всем желании я не могу уехать из Киева в Москву. Даже не столько из-за работы – хотя в Москве историки моего профиля никому не нужны, – сколько из-за Киева. Это мой

²⁴ Не нервиуй меня! (*западноукр.*)

²⁵ На западноукраинском (от слова «захід» – запад).

²⁶ Кошку свою целуй (*западноукр. разг.*).

²⁷ Подол, Дарница – районы Киева.

родной город, я живу в нем с рождения. В этом доме, в этой квартире... Уже пятьдесят лет, целых полвека...

Из своего возраста Галина никогда не делала тайны. Скорее наоборот, заявляла о нем с потаенной гордостью. Ну и что в том, что ей пятьдесят? Зато талия, как в восемнадцать, энергии хоть отбавляй, и вообще, человеку не столько лет, сколько он прожил, а столько, на сколько он себя ощущает. Она ощущала себя примерно на тридцать-тридцать два. Самый лучший возраст. Уже накоплен кое-какой опыт, выветрились все заблуждения молодости, энергия переливается через край, ты уже что-то собой представляешь, а впереди целая жизнь. Лучший, самый лучший возраст.

— Меня столько всего связывает с Киевом, что в другом городе я жить не смогу. Просто не смогу — и все. Да что там город, я и в другой квартире, в другой обстановке, наверное, жить не смогу. Тебе это может показаться смешным, это многим кажется смешным, я знаю, но за этим столом сидели еще мои предки. Они не уезжали из Киева даже во время войны. Нашему дому сто лет, и почти столько же времени здесь живем мы, наш род. Для меня уехать отсюда — это все равно что совершить предательство...

Слезы, навернувшиеся на глаза, вынудили сделать паузу.

— Я понимаю, — сказала Ольга, вернувшись за новой порцией грязных тарелок. — Сама так же привыкла к Москве. К квартире не привыкла, в ней нет ничего такого... фамильного, а к городу привыкла. Но, честно скажу, не задумываясь переехала бы в Киев. Если бы Витя захотел. С Киевом меня многое связывает, в детстве я приезжала сюда каждый год, здесь много родственников и, вообще, город очень... теплый. Не Петербург.

— Сравнила! — хмыкнула Галина. — Киев на семи холмах стоит, а не на костях! А вы с Витей разве говорили о возможном переезде? И он не хочет?

Странно как-то. Обычно, приезжая в Киев, сын кричал: «Ура! Я дома!» — и беспрестанно жаловался на то, как плохо живется ему в Москве. Мол, если бы не заработок, не карьера... В этот раз, правда, пожаловаться еще не успел, только-только приехал.

— О переезде мы не говорили. — Ольга криво усмехнулась, и эта усмешка почему-то насторожила Галину. — Я сказала, что была бы не прочь жить с вами в одном городе. Так, мне кажется, было бы лучше для всех. В первую очередь для Вити.

— Почему?

Уж кто-кто, а Виктор, как казалось Галине, совершенно не тяготился тем, что живет вдали от нее. Киеву он радовался, радовался дому, материнской стряпне, встречам с кем-то из старых знакомых, а вот матери ни разу не сказал ничего, выходящего за рамки стандартного «соскучился». «Соскучился» при встречах после некоторой более-менее продолжительной разлуки говорят все, это не выражение чувств, а дань вежливости, обиходное слово. Почти как «здравствуйте» — не пожелание здравствовать, а банальное приветствие.

— Потому что при вас он совсем другой. — Ольга издала звук, который Галина приняла за смешок. — При вас он лучше. Вы для него как... как...

Ольга поставила только что собранные тарелки обратно на стол, закрыла лицо ладонями и беззвучно разрыдалась, успев перед тем оглянуться на дверь — не видит ли ребенок.

— Оля, ты чего?! Зачем?! — заметалась Галина, ожидавшая от разговора с невесткой многого, но только не слез, Ольга была не из «легких на слезу». — Присядь! Попей водички! Не надо плакать... Нет, если хочешь, поплачь, поплачь, пока никто не видит...

«Слез никто видеть не должен, — учил отец. — Слезы — это слабость. Плакать на людях — все равно что к рычащим собакам спиной поворачиваться — укусят, загрызут».

Ольга успокоилась быстро. Умылась наскоро на кухне, потом они поговорили. Разговор, несмотря на то, что Галина слышала много неприятного, получился хорошим, душевным. Из тех, которые сближают даже очень разных людей. Впрочем, все люди очень разные, сходство между людьми, даже связанными родством, бывает лишь иллюзорным, мнимым...

Виктор в это время «лечил нервы» излюбленным способом. Быстро распрощавшись с отцом (тот по глазам все понял и понимающе подмигнул – сам был молод, знаю), он начал обзванивать старых подруг. Кто-то из классиков сказал, что если женщина на самом деле нужна, так, чтобы позарез, то она непременно найдется, и был совершенно прав. Зверь всегда бежит на ловца. Если, конечно, ловец этого заслуживает. Третья из кандидаток на приятное времяпрепровождение оказалась свободной и была не прочь «повидаться». Виктор обзванивал подруг с умом – по мере удаления от дома. Номер Третий жила около вокзала. Каких-то два километра, всего ничего, минута на торг с водилой, пять минут на дорогу.

За это время Номер Третий успела «создать атмосферу». Наскоро помылась (об этом можно было догадаться по мокрым кудряшкам) и зажгла в спальне несколько ароматических свеч. Увидев, что Виктор пришел с пустыми руками (время поджигает, не до магазинов), подавила разочарованный вздох и принесла из кухни бутылку чилийского вина, которая так и осталась не откупоренной. Виктору хотелось секса и только секса, а Номер Третий была не из тех, с кем, по его мнению, стоило церемониться. Тридцать три года, коренастая фигура, толстые щиколотки, некрасивая родинка на шее, хроническая нехватка тепла... Преимущества – легкий характер, готовность к утехам и наличие места для оных. Кроме того, Номер Третий, при всей своей не востребовавности, была довольно разборчива в связях, что, во-первых, приятно льстило самолюбию, а во-вторых, в известной мере предохраняло от неприятных последствий.

– Как же я соскучился по тебе! – прошептал Виктор, запуская руки под тонкий шелковый халатик. – Так долго ждать...

– И я соскучилась. Ты мне даже снился иногда...

Оба знали, что это неправда, но в этот момент им хотелось верить, что они действительно соскучились друг по другу.

– Чувствую... – Виктор коснулся пальцами набухшего соска, схватил, потянул.

Томный стон. Другой сосок, казалось, сам прыгнул в руку. Хотелось всего сразу, хотелось как можно скорее, хотелось так, что заныло свербящей истомой все тело.

– Ты – мое сокровище...

– А ты – мое...

Слова были неправдой, а вот ласки, которыми они сопровождались, были искренними в своем нетерпении. Лихорадочные прикосновения, быстрые, кусачие поцелуи, трепет, огонь, ураган...

– Оу-у-у! – восторженно кричала женщина. – Ты – любимый!

– Ты – любимая! – вторил ей мужчина. – Ты – моя!

– И ты мой! Мой! Люби-и-имый...

Волна оргазма накрыла обоих одновременно. Женщина унеслась куда-то ввысь, туда, откуда не хотелось возвращаться, а мужчина почувствовал облегчение, которое очень скоро сменилось чувством умиротворенного спокойствия. Прошептав партнерше на ухо несколько ласковых нежностей, он встал и начал деловито одеваться.

Время поджимало. И вообще хотелось домой. Склонность к разгульной жизни уживалась в Викторе с любовью к дому, домашнему уюту, теплу, семье, жене... Концептуальное противоречие между психологией и физиологией. Личная трагедия. И не только личная.

4

Два года назад у «нефтяника» Нечистяка похитили двенадцатилетнего сына. Запросили полмиллиона евро, предупредили, что шутить не намерены. Но это все похитители так говорят, чтобы «клиенты» были сговорчивее. Нечистяк обратился в милицию. За мужчиной, забравшим из вокзальной камеры хранения сумку с деньгами (полмиллиона, как и было велено, только банкноты не настоящие, а поддельные, из оперативного реквизита), попытались проследить. Задействовали три группы, готовились к долгой слежке, но управились за десять минут. Объект остановил машину возле продовольственного магазина на углу Тургеневской и Павливской, вошел внутрь, и больше его не видели. Не иначе как мгновенно изменил внешность где-то в подсобке (умеючи это секундное дело), сунул сумку в другую и ушел дворами. Район, конечно, перекрыли и прочесали, всех сотрудников магазина просеяли сквозь мелкое сито, но концов так и не нашли. Нечистяка-младшего тоже не нашли. Ни живого, ни мертвого. Слухи ходили разные. Говорили, что у похитителей был информатор в милиции, говорили, что сами милицейские начальники и организовали похищение... Много чего говорили. Версии были разными, но сходились в одном. В том, что надо было тихо-мирно заплатить, не впутывая в дело милицию. Не последние, чай, полмиллиона-то, а сын был единственный, поздний ребенок.

С Петра запросили много меньше – «всего-то» сто тысяч евро. Деньги надо было оставить в Нивках²⁸. Пройти по Сикорского мимо американского посольства, возле первого знака пешеходного перехода, что возле девятиэтажного жилого дома, свернуть налево в парк, дойти по тропинке до старой раздвоенной липы, для пущей надежности, помеченной свежевырезанным крестом на том стволе, что ближе к тропинке. Время закладки – девять часов вечера.

– Идиоты, – сказал Гучер, выслушав Петра. – Не могли ничего лучше придумать? – Помолчал немного и добавил: – Или гении. Все гениальное просто. Парк оцепить невозможно, не к военным же обращаться. Залечь в кустах поблизости? Заметят. Явно же обойдут территорию, прежде чем соваться к закладке. Нет, Петр, не идиоты они. Может, и дилетанты, но не идиоты.

– Почему думаешь, что дилетанты, Артур? – спросил Петр.

Гучер был из поволжских немцев. Родился в Казахстане, срочную служил в Фастове, охранял мирное небо, а после демобилизации подался в киевскую милицию (в шахтерскую Караганду возвращаться совсем не хотелось). Вышел в отставку подполковником (так уж сложилось, что надо было уйти) и вот уже седьмой год работал у Петра «мистером Вульфом»²⁹. Официально числился заместителем генерального директора по развитию. По развитию, а не по безопасности, так было правильнее, потому что Гучер не столько «обеспечивал», сколько «способствовал». Петр считал его самым ценным сотрудником, ценнее своей правой руки – первого заместителя Лени Горбовского. Леня был непревзойденным организатором и отчаянным прохиндеем, но вот аналитическим складом ума похвастать не мог. Кроме того, Леня был обременен двумя семьями и многочисленными любовницами, что сильно отвлекало его от работы, а Гучер был одинок и жил работой. Привык так жить. Петр все никак не мог понять – не повезло Гучеру в жизни, не встретилось женщины, с которой можно было бы создать семью, или он просто такой вот убежденный холостяк, идейный бобыль, одинокий волчара.

²⁸ Нивки – жилой массив в Шевченковском районе Киева, а также парк.

²⁹ Намек на героя культовой картины Квентина Тарантино «Криминальное чтиво», человека, который «решает проблемы».

– По сумме, – усмехнулся Гучер. – Профессионалы запросили бы больше. Как минимум втрое.

– Мне сейчас и сто тысяч – сумма, – проворчал Петр. – Как будто сам не знаешь.

– Дело не в том, что «сумма», а в том, сколько человек может заплатить и сколько он готов заплатить. Единственный сын, за которого отец исправно платит все долги, стоит дорого. Ясно же, что он небезразличен отцу. Это с одной стороны. С другой, владелец сети «Острів смаку» может собрать полмиллиона наличкой. Ведь можешь, не так ли? И теоретически, и практически.

– Могу, – согласился Петр. – Правда, это уже будет на грани банкротства, но...

– Но это похитителей не волнует, – заметил Гучер. – Не их проблемы.

Петр ждал, что Гучер скажет что-то еще, но тот демонстративно отвернулся к окну и принялся выстукивать пальцами по столешнице «Турецкий марш» Моцарта.

– Давай выкладывай, не держи за пазухой! – грубовато сказал Петр, хорошо знавший привычки Гучера.

– Есть, правда, один вариант, при котором вымогатель заинтересован в том, чтобы ты не обанкротился. – Гучер продолжал смотреть в окно, но пальцами стучать перестал. – Никто не станет рубить сук под собой, даже такой дурень, как твой сын...

Отношения Петра с Гучером из сугубо деловых давно превратились в близкие, дружеские, едва ли не братские, поэтому в том, что он назвал Остапа «дурнем», не было ничего удивительного или обидного. Свой человек, имеет право.

– Если только это он... – Петр в сердцах хватил кулаком по столу и тут же поморщился от боли в руке. – Если только... Я его тогда... Я его...

– Пара оплеух, суровый мужской разговор, ноль субсидий... – Гучер повернулся к Петру и сдержанно, одними лишь уголками губ, улыбнулся. – А через неделю он придет утром и скажет, что проиграл тысяч –надцать очередным отморозкам, которые грозятся его убить в случае неуплаты. Побереги нервы, они тебе еще пригодятся. Стол тоже пригодится, хороший, представительный стол...

Стол и в самом деле был «представительным», призванным производить впечатление. Красное дерево, обилие ящиков с обеих сторон, а кроме них в массивных тумбах по две полки. Целый гарнитур, а не стол. Солидная обстановка кабинета соответствовала. Владелец и руководителю торговой сети иначе нельзя. Хочешь не хочешь, а впечатление собственной состоятельности надо поддерживать. Все время, всеми средствами. Для того и обстановка, и дорогие костюмы, и престижные часы (рукой махнуть лишний раз страшно – такие деньжищи!). Из тех же соображений двухлетний «Лэндкрюзер» недавно пришлось сменить на «Гран-купе». Чем хуже идут дела, тем выше надо держать марку – это закон.

Кабинет заместителя по развитию был обставлен с аскетической скромностью. Не из соображений экономии (Петр был прижимист, но не мелочен), а потому что так хотелось Гучеру. Он говорил, что за время работы в милиции привык к «совково-канцелярскому стилю» и в другой обстановке работать не может. Правда, партнеры в его кабинет не заходили. Переговоры велись или в кабинете Петра, или у его первого заместителя Горбовского, или в специальной переговорной комнате, роскошью убранства не уступавшей кабинету генерального.

– Как бы узнать? – спросил Петр не столько Гучера, сколько самого себя.

– Не так уж и сложно! – хмыкнул зам по развитию и заговорил отрывистыми фразами, словно инструктировал: – Деньги не класть. Когда перезвонят, сказать, что такую сумму собрать не в силах. Дела идут поганно, все имущество в залоге. Предложить тридцать тысяч. Если согласятся, значит – инсценировка. Тогда...

– погоди! – перебил Петр. – Не класть деньги? А если не инсценировка? Остап, каким бы он ни был, все же мой сын, и я не хочу получить его труп! Остап мне нужен живым!

– Зачем сразу труп? – искренне удивился собеседник. – Мало ли причин, по которым ты не смог сделать закладку? Разное может случиться, не про нас будь сказано, начиная с внезапного визита эсбевовцев³⁰ и заканчивая сердечным приступом. Нет, Петр, если в Нивках все будет гладко, никакой милиции, они удивятся и непременно перезвонят. Что бы не перезвонить? Дело уже почти сделано, остался последний аккорд... А ты скажешь, что вся недвижимость у тебя заложена-перезаложена, крутишься ты на кредиты и набрал уже столько, что больше тебе не дадут...

Гучер излагал примерно реальное состояние дел. Разве что слегка сгустил краски.

– И? – коротко спросил Петр, когда собеседник сделал паузу.

– В любом хорошо организованном похищении должны участвовать как минимум трое. Двое – это уже кино. Если Остапа похитили от универа, да так, что никто ничего не заметил, то это было хорошо организованное похищение...

Салатовая «Сузуки» Остапа стояла на стоянке возле главного корпуса экономического университета на проспекте Перемоги³¹.

– Тридцать тысяч евро, поделенное на три, дает десятку на рыло, – продолжал Гучер. – Не та сумма, ради которой стоит рисковать в среднем семью годами жизни³². Вряд ли они согласятся, потребуют хотя бы шестьдесят, а скорее всего, скажут: «Гони сто, как было сказано, за тридцать получишь треть от своего сына». Тогда уж и заплатишь...

О том, чтобы обратиться в милицию, Гучер не сказал ни слова. Понимал, что толку не будет. Особенно сейчас, когда и в министерстве, и в столичном управлении пошла такая кадровая грызня-возня, что работать стало попросту некогда. Какая работа? Успевай интриговать да подсиживать, пока тебя самого не подсидели.

– Кстати, – спохватился зам по развитию, – а тебя не удивило, что тебе не дали поговорить с Остапом? Или ты забыл сказать мне об этом?

– Не дали, – подтвердил Петр. – Но сказали, что сын передает мне привет, и добавили кое-что из нашего последнего разговора, чтобы я не сомневался, что Остап у них.

– Кое-что? – Гучер удивленно поиграл бровями. – Кое-что Остап мог рассказать и так. Пожаловаться кому-то из приятелей или похвастаться...

– Не думаю, – мотнул головой Петр. – Во-первых, начнем с того, что Остап исчез. Во-вторых, наш последний разговор был не из тех, про который кому-то рассказывают. Я спросил, не брал ли Остап мои перламутровые запонки, и в этот момент позвонил Леня. Ничего интересного для приятелей, но мне передали это слово в слово со всеми деталями. Как подтверждение того, что Остап у них. Насколько я понимаю, его могут прятать где-то, где нет сотовой связи, например в каком-нибудь подвале...

– Или он не рискнул пообщаться с тобой, – предположил Гучер. – Страх, Петр, очень трудно симулировать. Почти невозможно. Это радостным притвориться легко, а испуганным – нет. Мало прокричать в трубку: «Папочка, меня похитили и хотят убить!» Надо сделать это так, чтобы папочку мороз по коже пробрал.

Петр подумал, что Гучер прав. Прав как всегда. К месту вспомнилось, с каким унылым видом Остап бубнил свое вечное: «Папа, меня убьют, если не расплачусь». Да, актер из него действительно никудышный. Никакого испуга не было, пугался сам Петр, пугался, и оттого ему казалось, что сын тоже испуган.

– Ну а если они согласятся на тридцать тысяч, что тогда делать? – спросил Петр. – Отдавать им, то есть Остапу тридцать штук? Отказать совсем и сказать: «Делайте с ним что

³⁰ Сотрудники службы борьбы с экономическими преступлениями (от «служба боротьби з економічною злочинністю»).

³¹ Победы (укр.).

³² За похищение человека, совершенное организованной группой, украинское законодательство предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет (Статья 146 УК Украины).

хотите», – я не могу. Всегда есть вероятность ошибки. Настоящие похитители тоже могут согласиться на треть. По принципу: с паршивой овцы хоть шерсти клок. Если не заплачу совсем, они могут разозлиться и убить Остапа. Или отрежут ему ухо... или палец и пришлют мне, чтобы я не жадничал...

– Тридцать тысяч ты заплатишь, – улыбнулся Гучер. – И Остапа тебе вернут. А потом мы с тобой, то есть я в твоём присутствии, возьму его в оборот, и если только это его рук дело, то он расколется. Не такие раскалывались. Тридцать тысяч – не такая уж большая сумма, зато ты можешь быть спокойным. Как за Остапа...

«Если бы я мог быть за него спокойным! – с тоской подумал Петр. – Хоть немного, самую малую малость...»

– ...так и насчет того, что он больше не выкинет подобного номера. Возможно, он еще и деньги вернет. Все или хотя бы часть...

«Вернет, как же! Жди! А если и вернет сегодня, то завтра снова попросит. В психушку его, что ли, запереть? Хотя бы на пару месяцев? Пусть полечат, если это вообще лечится... А что толку? Он и там будет в карты играть. Что там, карт нету? В тюрьме есть, значит, и в психушке должны быть. Да и Оксана не согласится, и для репутации плохо... Когда же он, наконец, перебесится?»

Оксана, узнав о плане, предложенном Гучером, устроила Петру такую истерику, что хоть ложись да помирай.

– Ты только о деньгах и думаешь! – кричала она ему в лицо. – Что я, не знаю?! Тебе главное семьдесят тысяч сэкономить, а не сына спасти! Я сама заплачу! Продам дом и заплачу! И тебя не спрошу, боров...ев!

Это внезапное «боров» обидело Петра невероятно. Какой он боров? Ну, есть немного лишнего весу, но сто килограммов при росте метр восемьдесят два – это не так уж и много. Тем более для его возраста. Через два года юбилей праздновать – полвека. Эх, дожить бы еще... Долго ли до инфаркта или кондратия, когда ни дома, ни на работе покоя нет. Дом она продаст... Дай ей волю, она все продаст и отдаст деньги этому остолопу, чтобы он их спустил... Что делать? Как быть с Остапом? Как жить с Оксаной? В шахматах это называется «патовая ситуация». В жизни это называется разными словами – мрак, жуть, тупик, безнадега... Но лучше всего для характеристики сложившейся ситуации подходит слово «жопа». Точнее не скажешь. Петр вдруг понял, почему некоторые богачи вдруг бросали все и уходили в монастырь. Раньше удивлялся, не понимал, а теперь вдруг понял. На самом деле люди бежали от мирской суеты в поисках покоя. Вот от такой, например, суеты, как у него. Хочешь не хочешь, а подумаешь о том, сколько еще жить осталось и зачем она нужна, вся эта нервотрепка.

То была своеобразная игра в жмурки с самим собой, успокаивающий самообман. Думая о покое, Петр понимал, что не выдержит и трех дней такой жизни, повесится от тоски. Его стихия не покой, а беспокойство, дело, чтобы энергия через край, чтобы страсти бурлили... Но не так, как сейчас. Это уж чересчур.

– Если с Остапом что-то случится, я руки на себя наложу! Но до того расправлюсь с тобой! Так и знай! Ты мне отвечаешь за сына!

И это – жена? Любимая когда-то женщина? Глаза навывкате, сверкают, лицо перекошено, голос то и дело срывается с шипения на визг, слюной на три метра брызжет... И пальцами скрюченными к лицу тянется. Фурия какая-то, мегера. Как будто он не переживает, как будто он не хочет, чтобы с Остапом все было в порядке, хотя бы в относительном. Не знаешь уже, какому богу молиться... А ведь расправится, как пить дать расправится. Смотрит-то как, аж оторопь берет.

В ожидании, пока жена выговорится, точнее – наорется, Петр раскрыл окно. Ему вдруг стало душно, захотелось свежего воздуха – не иначе, давление подскочило. Плевать, что соседи услышат. Оксана кричит так громко, что и при закрытых окнах слышно на весь дом.

– Хочешь в окно прыгнуть?! – разъярилась пуще прежнего Оксана. – Прыгай, если смелости хватит! Давай, прыгай!

Где логика? Откуда такие выводы? Зачем ему вдруг прыгать в окно? Петр вытащил из кармана пиджака блистеры с таблетками – успокаивающими и от давления. Это называлось личной аптечкой. Мало ли где прихватит. А примешь, посидишь минут десять с закрытыми глазами – и полегчает. Таблетки с горя запил не водой, а водкой, отхлебнул прямо из бутылки, от всей души отхлебнул, чтобы успокоительный эффект проявился скорее и сильнее. С водкой начало действовать быстро, почти сразу, а минут через пять и Оксана подустала бесноваться – упала на диван и разрыдалась, горько-прегорько. Жениных слез Петр не выносил – неловко становилось, тягостно. Даже если считал себя кругом правым. Он присел рядом с Оксаной и сказал:

– Ситуация под контролем, Сань. Все будет хорошо.

Сань – это производное от уменьшительного Сана. «Секретное» домашнее имя, употребляемое лишь наедине, изредка, в особо ответственные минуты.

– Никогда... Уже... У нас... Не будет... Хорошо... – в паузах между всхлипами слова звучали особенно сильно – разили в самое сердце, вонзались в мозг и застревали там ядовитыми шипами. – Ничего... У нас... Не... Будет...

Пауза. Затем уже более спокойно, без всхлипов:

– Остап добрый мальчик. Он не стал бы так поступать с нами, со мной. Он не стал бы причинять мне такую боль. Если нужны деньги – можно попросить, как обычно. Остап любит меня, а я люблю его. А ты никого не любишь, поэтому и думаешь, что наш сын способен на такое... Ты любишь только деньги...

– Не только! – возразил Петр, стараясь говорить как можно мягче. – Зря ты так, Сань... Напрасно все сводишь к деньгам. И напрасно говоришь о них так презрительно. Деньги – это... деньги. Тот, кто знает, что такое деньги и как они достаются, не станет говорить вот так... Да, я люблю деньги. А разве ты их не любишь? Зачем такие упреки? Живем-то мы на то, что зарабатываю я!

Петр прикусил язык, но слова уже вылетели – не поймать.

– Попрекаешь?! – взвилась Оксана. – Как это низко! Кормилец ты наш! Добытчик! Что теперь – в ножки тебе кланяться прикажешь?!

Она вскочила на ноги, нависла хищной птицей над застывшим на диване Петром и долго кричала обидные слова.

Вторая часть Марлезонского балета.

К чертям балет! К чертям семейную жизнь! К чертям! К чертям! Если, конечно, чертям все это надо. А зачем оно им? У Петра появилось ощущение, будто в его жизни наступил сплошной черный понедельник. Семь дней в неделю – понедельник. И непременно черный. Как пел Егор Летов, кумир молодости, – я был безразличен, озабочен и так далее. Короче говоря – здравствуй, черный понедельник...³³

Впрочем, с таким же успехом это мог бы быть не понедельник, а пятница. Главное, что тоже черная. Семь похожих друг на друга черных тоскливых дней – неделя прошла. Еще семь таких же дней – и прошла другая. Проблема на проблеме. Тоска – и никакого просвета. Никакой надежды. Это очень страшно, когда нет надежды, когда обреченность. Узник, приговоренный к смерти, может надеяться на смягчение приговора или на побег, а

³³ Егор Летов. «Здравствуй, черный понедельник».

Петру казалось, что ему уже не на что надеяться. Праздников и вообще чего-то хорошего в жизни уже не случится. Плачь, не плачь...

Петр не плакал. Не привык, да и бесполезное это занятие. Вон Оксана поплакала, и что хорошего? Ничего, только еще сильнее завелась. Вот «подумать» – это другое. Подумать – это продуктивно, полезно. Только о чем тут думать? Что делать, если жизнь завязалась-запуталась в гордиев узел? Разве поднимется рука разрубить? Да и где взять такой меч?

5

Карьерные амбиции... Нетерпимость к чужому мнению... Нарушение прав участников учебного процесса... Вымогательство денег... Необъективность... Несправедливость... Тоталитарный стиль руководства (впрочем, это та же нетерпимость к чужому мнению, только другими словами)... Грубость, граничащая с хамством...

Некоторые обвинения подкреплялись примерами, некоторые подавались с преамбулой «ни для кого не секрет». «Ни для кого не секрет, что заведующая кафедрой систематически вымогает деньги у студентов, угрожая им проблемами на экзаменах...» Это о чем? Как-то раз на лекции Галина упомянула о том, что издательство «Літопис часів»³⁴ объявило сбор средств для выпуска очень интересной и толковой монографии покойного доцента Кирьянчика, посвященной истории украинского национально-освободительного движения в XX веке. К слову пришлось, про то, что сама отправила сто пятьдесят гривен, умолчала. Кто-то из студентов попросил информацию. Галина ответила, что ее можно найти на сайте издательства. Это разве вымогательство? Хоть раз, хоть копейку взяла она за экзамен или зачет? Никогда в жизни! Приносили, предлагали – выставляла за дверь. Если за кого-то просили, шла навстречу, без этого никак. Ты – мне, я – тебе, все друг с другом повязаны сотнями невидимых ниточек. Но деньги или подношения не брала. И уж тем более не вымогала. Ни для кого не секрет? Ни для кого не секрет, что на свете существуют бессовестные люди. Раз на свете существуют, то и на кафедре должны быть. Подписи неровным столбиком под письмом ректору (копия ушла в министерство – выстрелили дуплетом): профессор Хащенко Григорий Артемович, доцент Полянский Петр Ревмирович, доцент Тertyчная Полина Федоровна, ассистент Пивовар Алиса Максимовна. Чтоб их всех разорвало, об землю ударило да землей засыпало. Так говорил дед Мирон. Маленькая Галочка пугалась – разве можно такого желать людям, пусть и не очень хорошим? Когда выросла да пожила, поняла, что некоторым и не такого пожелать можно. Люди не помнят добра, не ценят хорошего отношения. Сколько раз закрывала она глаза на прогулы Полянского и на то, что от него «попахивает»! Входила в положение, жалела. Несчастный человек, жена с сыном в аварии погибли, мало кто после такого горя пить не начнет... Дожалелась. Тertyчная – дура, каких поискать. Куриные мозги, которых еле-еле хватило, чтобы вызубрить учебник и несколько методичек. Как она кандидатскую вымолила и как доцентом стала, все знают. Дура Тertyчная, и характер у нее склочный, но до пенсии ей уж не так много осталось, вот Галина и терпела, жалючи. И Алиску жалела, списывая все ее выходки на одиночество. Одиночество одиночеству рознь. Алиска воспринимает свое одиночество как не востребованность, показатель неполноценности. Главная ее цель, заветная мечта – не встретить хорошего человека, а выйти замуж «за того, кто возьмет». Только вот мужики жениться на Алиске не торопятся. Погуляют немного и расстанутся. То ли Алискина алчность отпугивает, то ли любвеобильность, то ли слава, которая благодаря этой любвеобильности о ней идет. Дурная слава в определенном смысле привлекает мужчин. Гулять с уступчивыми, сразу на все согласными приятно. А вот жениться – нет. Замучаешься каждый день из постели жениных любовников вытряхивать. У Алиски вечные «ситуации» – постоянно отпрашивается, то на два дня, то на три. Два-три дня без ассистента перебиться можно, но уж очень часто у нее «ситуации». И все время «вопрос жизни и смерти». Подумать только – идешь навстречу людям, а они на тебя кляузы пишут! Верно говорят: не делай добра, не получишь зла. Избавилась бы в свое время от Полянского, Тertyчной и Пивовар, так некому было бы сейчас Хащенко поддерживать! А письмо от одного профессора – это совсем не то, что письмо от группы сотрудников.

³⁴ *Летопись времен (укр.).*

– Я жду объяснений, Галина Дмитриевна. – В сухо-деловитом голосе ректора отчетливо прозвучали нотки раздражения. – Желательно в письменном виде.

«Значит, уже вызывал каждого для беседы, – догадалась Галина. – Прозондировал ситуацию и решил, что профессор Любченко из противовеса превратилась в проблему, которую надо устранить. Или же это эндшпиль, завершение партии по моей замене на Хашченко? Давно решили, только действовали постепенно, осторожничали, чтобы уж наверняка. Наверняка? Ну, это мы еще поглядим!»

Письменное объяснение, состоявшее из одного-единственного предложения, Галина написала прямо в ректорском кабинете.

– Все сведения, изложенные в письме, являются ложными... – вслух прочитал ректор. – Четверо против одного... Хм!

– История знает много случаев, когда против одного, говорящего правду, выступало тысячи лжецов! – запальчиво возразила Галина, на пике обуревавших ее эмоций отчасти утратившая самоконтроль. – И что с того?! Я не должна оправдываться. Вину доказывают те, кто обвиняет. Кому я нахамила, сколько с кого я взяла, чьи права нарушила... Я требую фактов!

– Если понадобится, Галина Дмитриевна, будут и факты. – В тускло-серых глазах ректора мелькнула откровенная неприязнь. – Но от фактов уже не получится отмахнуться, придется давать им законный ход, разбираться, принимать меры. Вам этого хочется?

Еще неделю назад Галина и представить не могла, что ректор станет так вот открыто ей угрожать. Евгений Брониславович далек от идеала, он не самый лучший руководитель и не самый хороший (самый хороший?) человек. Но при всем том и не самый плохой. Так казалось Галине. И еще казалось, что позиции ее довольно крепки. Казалось... Что надо делать, если кажется? Сплюнуть через плечо и перекреститься.

– Да, хочется! – твердо заявила она, глядя прямо в глаза Евгению Брониславовичу. – Я требую фактов и разбирательства по каждому из них!

– Надеюсь, что вы понимаете, чего требуете. – Ректор отвел взгляд в сторону. – Разбирательство будет долгим, из... э-э... административной сферы, оно может перейти в... хм... может перейти и в уголовное дело, это уж в зависимости от того, как все повернется... Разумеется, что вы не сможете заведовать кафедрой в то время, пока... Ну, вы понимаете. Я издам приказ о вашем временном отстранении от должности, назначу исполняющего обязанности...

– Кого, например? – быстро спросила Галина.

– Хотя бы Григория Артемовича, – не раздумывая и без запинки ответил ректор. – Он видится мне самой подходящей кандидатурой.

– Интересно получается, Евгений Брониславович! Меня отстранить на время разбирательства, а на мое место поставить того, кто облил меня грязью?! Почему? Логичнее было бы назначить Юткевича!

Профессор Юткевич старался держаться в стороне от кафедральных и университетских склок. Его привлекала исключительно наука. Изучить, исследовать, поделиться знаниями со студентами и аспирантами, написать статью... На всей Украине не было равных ему специалистов по истории XX века. Во всем университете не было сотрудника, к которому так хорошо подходило бы определение «не от мира сего». В заведующие Юткевич совершенно не годился, но профессоров на кафедре было всего трое, и двое из них были втянуты в склоку. Кому же еще заведовать при таком раскладе, как не Юткевичу?

– Александр Семенович не справится, – тоном, не допускающим возражений, ответил ректор. – Он прекрасный ученый, но несколько не администратор. И позволю напомнить вам, Галина Дмитриевна, что речь идет о разбирательстве по поводу вас, а не Григория Артемовича. Стало быть, у меня нет абсолютно никаких препятствий для его назначения...

– Но ведь он... – Подступивший к горлу комок не дал Галине договорить, но ректор прекрасно понял, что она хотела сказать.

– Не только Григорий Артемович, но и еще трое сотрудников, – напомнил он. – И должен признать, что их обвинения в ваш адрес выглядят... э-э... довольно вескими. Я бы на вашем месте задумался, Галина Дмитриевна. Не стал бы становиться в позу, горячиться и чего-то требовать...

Вздых, приветливая улыбка, дружелюбный, чуточку грустный взгляд. Даже серые глаза ректора, кажется, поголубели. Галина поняла, что сейчас угрозы сменятся уговорами, и не ошиблась.

– Хотелось бы, Галина Дмитриевна, решить дело миром. Пострадает ведь не только ваша репутация, но и репутация всей кафедры. Да и на университет ляжет пятно. Дурная слава далеко бежит, кругами по воде... Неприятно. Не мне вам объяснять, какое значение придается репутации при распределении грантов и прочих плюшек-галушек...

В правильной, академической речи ректора иногда мелькали жаргонные, простонародные или какие-то откровенно дурацкие словечки.

– Давайте попробуем рассмотреть иной путь развития событий, Галина Дмитриевна...

– Хоч того самого, аби в іншу миску³⁵, – негромко проворчала Галина.

Евгений Брониславович предпочел сделать вид, что не расслышал.

– Я ничего не имею против вас как сотрудника и заведующей кафедрой, – елеинным голосом продолжил он, – но вряд ли вы сможете полноценно руководить кафедрой, находясь в конфронтации с половиной ее состава. Это будет вызывать все новые осложнения, и в конечном счете все станет еще хуже, чем сейчас...

Галина подумала, что хуже, чем сейчас, вряд ли уже станет. Ее грубо и бесцеремонно «выжимают» с заведования. Облили грязью и «выжимают».

– Дело за вами, Галина Дмитриевна. Вам предстоит сделать выбор. Не могу приказывать, не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, что я пытаюсь на вас надавить...

«А ведь Ленин был прав, когда писал Горькому, что интеллигенция, мнящая себя мозгом нации, на самом деле является не мозгом, а г. ном», – подумала Галина. Впервые в жизни она в чем-то согласилась с Лениным. Простой человек сказал бы просто: «Геть!» – а этот церемонии разводит. Не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, что я пытаюсь на вас надавить? Да ты не пытаешься, ты давишь, изо всех сил давишь...

– Ну не получилось у вас с заведованием – что ж теперь? – Ректор сочувственно вздохнул. – Можно ведь уйти с заведования без лишнего шума и остаться на кафедре в качестве профессора. Мы вас очень ценим...

«Надолго ли останусь? – усмехнулась про себя Галина. – На месяц, на два, самое большее на три... Хащенко постарается устроить мне веселую жизнь. Придирки, выговоры, подставы... У подлецов богатый арсенал для сведения счетов. Окончательного сведения. После случившегося мы с Хащенко на одной кафедре не уживемся. Съест он меня. Съест? Если поддамся, то съест...»

Ректор говорил долго. Галина слушала, не перебивая, иногда кивала – выигрывала время, собиралась с мыслями, просчитывала расклады. Просчитав, окончательно поняла, что осталась одна против всех. Никто из сотрудников, даже те, с кем у нее хорошие отношения, не выступит в ее защиту. Кто рискнет испортить отношения с ректором? Это ей можно рискнуть, потому что терять уже нечего. Или почти нечего. Кроме как на себя надеяться не на кого. Есть ли у нее шанс? Определенно есть. Если противостояние затянется и привлечет к себе внимание общественности, ректору будет труднее с ней расправиться. Одно дело творить беззаконие при закрытых дверях и совсем другое – при открытых. И уголовное дело

³⁵ Хочется того же самого, только в другую миску (укр.).

сфабриковать тоже будет труднее. Как фабрикуются эти дела, Галина знала. Год назад на заведующую кафедрой экономической кибернетики доцента Грушевскую завели уголовное дело по обвинению в нарушении финансовой дисциплины при оформлении командировок. Сначала несколько раз засылали к Грушевской «казачков» с предложением взятки за экзамен, а когда поняли, что ничего не выйдет (поговаривают, что Грушевская все же брала, но с великим разбором, не с каждого), придрались к оформлению командировок. Нашли какие-то нарушения, кое-как натянули их на сумму, необходимую для возбуждения уголовного дела... Грушевская теперь пенсионерка с условным сроком. «Со мной так не получится! – решила Галина. – Я – не Грушевская. Я подниму такой шум, такую волну, что их всех смое! Воевать так воевать!»

Под конец своей длинной речи ректор расслабился – сидел вольготно, не хмурился, глядел доброжелательно. Не иначе как принял молчание Галины и ее кивки за согласие. Да он и не сомневался, наверное, что она поупирается-повыкаблчивается, но в итоге согласится уйти по-тихому. У профессора Левченко была репутация человека вменяемого. Тем больше удивил его ответ.

– Я вам искренне советую, Евгений Брониславович, оставить эту грязную затею! – Галина встала, смерила ректора презрительным взглядом и добавила: – До сегодняшнего дня я была о вас лучшего мнения. Как же неприятно разочаровываться в людях!

– Вы пожалеете, но будет уже поздно! – донеслось ей в спину.

Угроза была высказана спокойным деловым тоном и оттого прозвучала особенно пугающе. «Рубикон перейден, – подбодрила себя Галина, толкая тяжелую дверь. – Теперь «или полковник, или покойник», как говорили на Сечи».

Выяснять у Полянского, Тертычной и Пивовар, что подвигло их на такую подлость, не стала. И так ясно, чем закончится разговор с каждым. Полянский насупится и станет отмалчиваться. Тертычная, признающая только один вид защиты – атаку, устроит скандал с истерикой. Ну а Алиска заведет нескончаемую песню про свои обстоятельства, про свою одинокую неприкаянность, расплачется, станет трясти рыжими кудряшками и просить прощения. А завтра, если потребует, еще одно письмо подпишет... Стоп! А ведь Хашченко ее не просто подбил-уговорил! Он ее охмурил! То-то Алиска в последнее время такой павой ходит, улыбается многозначительно и насчет работы над докторской намекает... Бедная доверчивая дурочка. Он же ее использует и выбросит. Такие проблемные ассистенты, как Алиска, Хашченко не нужны. Он возьмет парочку совсем молоденьких, голодных, готовых на любые жертвы ради карьеры... Чтобы старались изо всех сил, чтобы землю носом рыли без выходов и отгулов. Хашченко по своему менталитету эксплуататор-рабовладелец. От Полянского с Тертычной он тоже избавится. Не сразу, но чуть погодя. Зачем ему алкоголик и истеричная дура? Да еще такие, которые будут считать, что Григорий Артемович им чем-то обязан? Да он весь состав обновит. Наберет себе деревянных болванчиков и будет повелевать ими, как Урфин Джюс. Ну, разве что Лильку Ковтун оставит в ассистентках, а Мишу Федоровича в доцентах. Оба скромные трудяги без особых амбиций, спокойные, покладистые, не создающие никаких проблем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.